

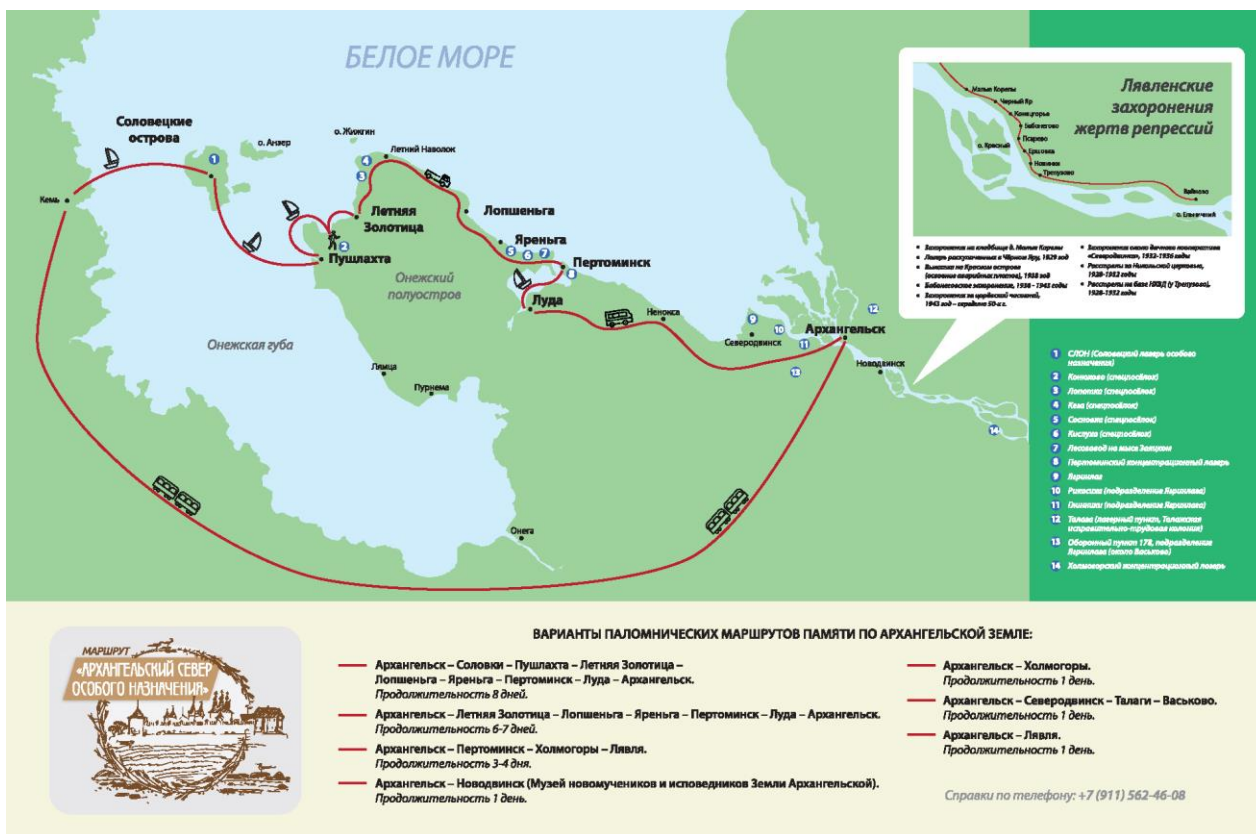
Маршрут «Архангельский север особого назначения»

*Сборник воспоминаний, исследований,
документов, архивных материалов*

Архангельск

2018

*Сборник издан при поддержке международного грантового конкурса
«Православная инициатива» в рамках проекта
«Архангельский север особого назначения»*

Маршрут Архангельск – Соловки – Пушлахта – Летняя Золотица – Лопшеньга – Яреньга – Пертоминск – Луда - Архангельск

Варианты паломнических маршрутов памяти по архангельской земле:

1. Маршрут Архангельск – Соловки – Пушлахта – Летняя Золотица – Лопшеньга – Яреньга – Пертоминск – Луда – Архангельск. Продолжительность 8 дней.
2. Архангельск – Летняя Золотица - Лопшеньга – Яреньга – Пертоминск – Луда – Архангельск. Продолжительность 6-7 дней.
3. Архангельск – Пертоминск – Холмогоры – Лявля. Продолжительность 3-4 дня.
4. Архангельск — Новодвинск (Музей новомучеников и исповедников Земли Архангельской). Продолжительность 1 день.
5. Архангельск – Холмогоры. Продолжительность 1 день.
6. Архангельск – Северодвинск – Талаги – Васьюково. Продолжительность 1 день.
7. Архангельск – Лявля. Продолжительность 1 день.

Экспедиция «Архангельский север особого назначения» в июле 2018 года

Более 200 жителей и гостей побережья Летнего берега Белого моря приняли участие в мероприятиях экспедиции «Архангельский север особого назначения».

В течение восьми дней участники экспедиции — священники, краеведы, музейные работники, представители средств массовой информации — познакомились с местами захоронений, лагерей, спецпоселений для репрессированных на побережье, проводили встречи с населением в Пушлахте, Летней Золотице, Лопшеньге, Яреннге, Пертоминске.

Север непредсказуем. Заранее спланированный отъезд экспедиции 7 июля утром был под угрозой срыва — рейс теплохода «Беломорье» отменили из-за погодных условий в Белом море, хотя в Архангельске погода была солнечная и тихая. Руководителями проекта было принято решение не отменять экспедицию, а ехать в первый пункт маршрута — Соловки — на поезде через Кемь, что и было сделано. От Кеми на катере по беспокойному морю экспедиция добралась до Соловков.

Особую благодарность хочется выразить паломнической службе Соловецкого монастыря, которая нашла возможность разместить на ночлег участников экспедиции, хотя изначально на Соловках планировалось задержаться на несколько часов, и ночевка не планировалась.

Встреча с участниками экспедиции на Соловках, организованная сотрудниками Соловецкого монастыря и Соловецкого музея, стала частью большой программы Дней памяти политических репрессий. Участники экспедиции встретились с благочинным Соловецкого монастыря архимандритом Ианнуарием (Недачиним), руководителем паломнической службы Соловецкого монастыря, кандидатом физико-математических наук монахиней Никоной (Осипенко), заведующий отделом истории Соловецкого архипелага Анной Яковлевой, посетили места памяти Соловецкого лагеря особого назначения.

Дальнейшим пунктом назначения стала Пушлахта. Многочасовой переезд по Белому морю на рыболовецком судне — и участники экспедиции ступили на твердую землю Онежского полуострова.

Встреча с населением в Пушлахте состоялась в здании храма, который долгое время использовался как местный дом культуры. Недалеко от Пушлахты раньше располагалось спецпоселение Конюхово, местные жители поделились воспоминаниями о том, что знают о спецпоселении, наиболее активные взяли на себя обязательства по подготовке материалов для сборника по истории репрессий на побережье.

Следующим пунктом стала Летняя Золотица, куда катер прибыл вечером. Изначально планировалось по пути из Пушлахты в Летнюю Золотицу сойти на берег и пройти несколько километров до места спецпоселения Конюхово, но сильные волны не позволили подойти к берегу.

В Летней Золотице участники разместились в новом гостевом доме. Утром состоялось освящение новой часовни, построенной силами братьев Устиновых в августе 2017 года. История их рода напрямую связана с историей репрессий на побережье. После освящения — встреча в сельском доме культуры с населением, а потом состоялся целый ряд индивидуальных переговоров с жителями, собирающими материалы по теме экспедиции.

Семнадцать жителей Летней Золотицы приняли Таинство Крещения в этот день. Крещение совершил благочинный Приморского округа протоиерей Владимир Новиков, духовный руководитель экспедиции.

После обеда экспедиция направилась дальше, в Лопшеньгу. Транспорт на этот раз стал Урал Кенозерского национального парка — мощная грузовая машина. Местные жители, среди которых краевед Зинаида Жукова, поехали вместе с участниками экспедиции. По пути было две остановки в местах бывших спецпоселений Лопатка и Кего. Несколько лет назад здесь были установлены памятные камни. Священник отслужил литию по усопшим там, где много — много лет не звучала молитва.

Дорога между Летней Золотицей и Лопшеньгой — это очень условное название — местами Урал проходил прямо по реке, болоту, морю, камням. Но солнечная теплая погода, море и живописные виды полностью восполняли все неудобства путешествия.

Изначально планировалось, что участники экспедиции от мыса Вороньего до Лопшеньги шесть километров пойдут пешком с рюкзаками, так как побережье в этом месте усыпано огромными валунами. Но искусные водители смогли проехать в отлив прямо до Лопшеньги.

В Лопшеньге 12 июля отмечался приходской праздник, ведь храм назван в честь святых первоверховных апостолов Петра и Павла. После праздничной Литургии в местном храме состоялось мероприятие в местном доме культуры, а затем опять дорога — переезд в Яреньгу.

В Яреньге участников экспедиции гостеприимно приняла руководитель дома культуры Александра Серухина, провела экскурсию по новому музею и стоянке карбасов.

На вечернюю встречу с участниками экспедиции пришли не только местные жители, но и волонтеры национального парка, выполняющие работы по благоустройству экологической тропы.

На следующий день — молебен у креста на месте разрушенных храмов Яреньги, освящение восстановленной часовни святых Иоанна и Лонгина Яренгских, лития на кладбище, где хоронили жителей спецпоселков Сосновка и Кислуха и переезд на мыс Заяцкий, на место бывшего лесозавода, где работали репрессированные.

Вечером участники экспедиции уже были в Пертоминске, где состоялась заключительная встреча с населением в рамках экспедиции.

От действующего Преображенского монастыря на Соловках до разрушенного Преображенского монастыря в Пертоминске с надеждой на преображение побережья Белого моря — таков путь и главная цель экспедиции «Архангельский север особого назначения».

Утром, после Божественной Литургии и многочисленных крещений в Пертоминске, участники отправились в Архангельск, по пути помолившись на месте храмов-мучеников в Луде и Уне. Огромное чувство усталости и внутренняя уверенность, что сделано что-то очень трудное, но очень важное и значимое, были внутри каждого участника экспедиции.

Экспедиция — это лишь часть проекта «Архангельский север особого назначения», автором и руководителем которого стала Ольга Воронова, директор Центра развития туризма Приморского района. По результатам экспедиции будет создан фильм, выпущен сборник материалов, составлена карта и передвижные стенды экспозиции. Новый маршрут будет открыт не для массового туриста, а для тех, кто захочет почтить память поколений, насильно перевезенных на север и, в большинстве своем, нашедших здесь свой последний приют.

Итоговое мероприятие проекта состоится в Лявле, в день памяти жертв политических репрессий. На мероприятие будут приглашены представители территорий Архангельской области, которые пострадали от репрессий. Данное мероприятие позволит объединить усилия архангельских краеведов в сохранении памяти жертв репрессий, даст толчок к изучению истории трагического периода.

«Архангельский север особого назначения» — проект-победитель международного конкурса «Православная инициатива».

*Информация с сайта Приморского муниципального района Архангельской области
<http://primadm.ru/news/40/17617/>*

Архимандрит Ианнуарий (Недачин), благочинный Соловецкого монастыря (во время встречи с участниками экспедиции «Архангельский север особого назначения» на Соловках):

- Сейчас, на данном этапе, самое главное зафиксировать точки памяти, обозначить места, где были лагеря, спецпосёлки, захоронения, расстрелы, потому что когда это есть, то и завтра, и через год, и через 20 лет люди будут приходить, и им будет от чего отталкиваться для осмысления тех процессов.

Владимир Устинов, уроженец д. Летняя Золотица (во время встречи с участниками экспедиции «Архангельский север особого назначения» в Летней Золотице):

- В один из дней из Архангельска пришла депеша – «в ваше селение будут направлены переселенцы, но в деревне их не принимать и не оказывать никакой помощи». Через некоторое время пришла большая баржа, полная переселенцев, где были в том числе и люди с грудными детьми, ни одежды, ни инструментов у них не было. Отец встречал баржу. Увидев этих людей, он уехал обратно в деревню, собрал деревенский сход и сказал, что нужно переселенцам помочь. Несмотря на запрет, жители Золотицы оказывали всяческую помощь и поддержку южанам, те, в свою очередь, делились семенами, которые присылали им родственники с юга в письмах, учили местных жителей делать из молока различные продукты.

В Лопатке через несколько лет появился хороший посёлок. Он был сделан руками переселенцев. Это ведь никакие не кулаки были, а просто трудяги, на которых нужно равняться – они разработали такие поля, которых здесь никогда не было. В нашей деревне ведь раньше выращивали картошку, ячмень и рыбу ловили в море. Они же стали на полях выращивать репу, турнепс, морковь, капусту, лук. Мы научились выращивать это у переселенцев. И когда мы приезжали на Лопатку, как там переселенцы организовывали свой досуг! Вроде день работают – вкалывают, а вечером танцы, пляски в построенных красивых беседках. Насколько много в русском человеке энтузиазма, независимо от того сколько он работал, как он работал, он очень любил жизнь!

Мы учились с их детьми в школе, половина класса была золотицкие, половина приезжие, дети Лопатки, Кеги, и Жижгина направлялись в нашу школу. В Пушлахте была своя школа семилетняя.

Прошли годы и в 50-е начали давать вольную – а уезжать-то почти некому, у всех посёлков уже большущие кладбища.

Поморы помогли переселенцам спастись и выжить и, наверно, не могли поступить по-другому, потому что душа и сердце помора готовы всегда людям помогать!

Зинаида Жукова (во время встречи с участниками экспедиции «Архангельский север особого назначения» в Летней Золотице):

Постепенно из землянок люди стали переселяться в бараки и спецпосёлки стали разрастаться. В каждом из них находилась школа, ясли, магазин, скотный двор, фельдшерский пункт. Бараки строились вдоль озера в два ряда. Обычно в посёлках было по десять бараков, в каждом было несколько комнат, в каждую комнату заселялось несколько семей.

Спецпосёлки на побережье Белого моря

ДНЕВНИК-ВОСПОМИНАНИЯ Кадыровой Алимь Касымовны

(редактировал сын Николай)

1930 г. Через всю страну хлынул многомиллионный поток раскулаченных. Поток этот отличался еще тем, что здесь не цацкались брать сперва главу семьи, а там посмотреть, как быть с остальной семьей. Напротив, здесь сразу выжигали только гнездами, брали только семьями и даже ревниво следили, чтобы никто из детей четырнадцати, десяти или шести лет не отбилсЯ бы в сторону: все должны были идти в одно место, на одно общее уничтожение. Это был первый такой опыт, во всяком случае, в Новой истории. Его потом повторит Гитлер с евреями и опять же Сталин с неверными или подозреваемыми нациями.

В 1930 г. термин «кулак» не миновал вообще всех крепких крестьян – крепких в хозяйстве, крепких в труде и даже просто в своих убеждениях. Кличку «кулак» использовали для того, чтобы размножить в крестьянстве крепость. Великий Декрет о земле. Тот самый, без которого крестьянство не пошло бы за большевиками и Октябрьская революция бы не победила. Земля была роздана по едокам, равно. Всего лишь девять лет, как мужики вернулись из Красной армии и накинулись на свою завоеванную землю. И вдруг – кулаки, бедняки. Откуда это? Иногда – от неравенства инвентаря, иногда от счастливого или несчастливого состава семьи. Но не больше ли всего – от трудолюбия и упорства? И вот теперь-то этих мужиков, чей хлеб Россия и ела в 1928 году, бросились искоренять свои местные неудачники и приезжие городские люди. Как озверев, потеряв всякое представление о «человечности», потеряв людские понятия, набранные за тысячелетия – лучших хлеборобов стали схватывать вместе с семьями и безо всякого имущества, голыми, выбрасывать в северное безлюдье, в тундру и тайгу. Так расправились с теми, кто составлял суть деревни, ее энергию, смекалку и трудолюбие, ее сопротивление и совесть.

До 1930 г. наша крестьянская семья, каких много было тогда в многонациональном Крыму, проживала в деревне Салын (ныне Чистополье). Слово злое увековечил некогда людную деревню распаханной пашней, очевидно отсюда и название – Чистополье.

За день до выселения, т.е. 7 марта 1930 г. энкеведэшники забрали наших мужчин, отца – Касимова Кадыра, старшего брата – Пакрыя, среднего – Эвлия. Отец подвергся пыткам, после которых тяжело заболел и по дороге в Керчь умер.

16 марта 1930 г. всех нас, с другими такими же переселенцами погрузили в грязные вагоны из-под угля и повезли в Архангельскую область. Как часто досадует мы, оказавшись в вагоне без элементарных удобств! Тысячи проклятий шлем мы на головы обслуживающего персонала, пытаюсь всунуть их в свою шкуру!!! А каково было нам: мужчинам и женщинам, старым и малым, голодным и раздетым – всем в одном товарном вагоне, без тепла, а главное, без малейшей надежды на выживание. В дорогу не разрешили взять ни теплых вещей, ни продуктов, заведомо обрекая на гибель. На всю жизнь запомнилась дорога от ст. Семь Колодезей, что в Крыму до ст. Емца в Архангельской области. Дорога, означенная сотнями человеческих жизней на каждой станции, а остановки были вынужденными, именно из-за удаления умерших.

Из щадящего крымского климата мы окунулись в двадцатиградусные морозы на ст. Емца. В двух километрах от станции, вглубь леса, начали строить подобие барачков-землянок. Бара-

ки без отопления при – 20 С имели одно лишь достоинство: не сыпался снег на голову. Зато снега вокруг по пояс. 3-х этажные нары в бараке вмещали до 250-300 человек. Каждое утро свидетельствовало: ряды переселенцев редуют. Умиряли дети, старики. Полнейшая антисанитария способствовала этому. А если вспомнить, что и хлеб мерзлый на пайки разделить можно было только при помощи топора, то господин Голод щедро делился с безносой.

В Емцу наша семья приехала в следующем составе: мать наша Зайде, брат Шимшидин (самый старший из детей нашей семьи), сестра – Имене, затем я – Алиме и младшая сестра Зийнег. Месяца через два по приезду разрешено было детям до 7 лет возвращать обратно в Крым (т.к. особенно массово гибли дети в жестоких условиях Севера), в сопровождении с одним взрослым до 40 детей, которых на юге могли взять на воспитание оставшиеся там родственники, близкие. Две моих сестры Хатизе и Асис жили в Крыму, в 2-х километрах от Салына в д. Аджелин и были замужем за турецкими подданными.

В силу этих обстоятельств переселение не коснулось моих старших сестер. И вот, воспользовавшись разрешением, отправили в Керчь свою младшую сестричку Зийнеб. Впоследствии она и уехала со старшими сестрами в Турцию (1934 г.), где и живет сейчас.

1 мая 1930 г. оставшееся в живых население переселенцев стали рассредотачивать по побережью Белого моря. Кто-то оказался на Зимнем берегу (Терский берег), а нас пароходом привезли в деревню Красная Гора, что в 8 км от Пертоминска. Определили нас постояльцами к местным старикам в комнату, где уже проживали две семьи. Вряд ли уместна здесь поговорка «в тесноте – да не в обиде»: в комнате площадью 15-16 кв. м. нас проживало девять человек.

С раннего утра и до позднего вечера все мы работали на вырубке леса, заготовке его. Изматывала непосильная работа, холод, да и снег, который еще долго остается лежать в северных лесах, несмотря на ясные майские дни. На ноги приходится изобретать импровизированную обувь из мешковины, именуемую в народе «обмотками», не лучше обстоит дело и с одеждой. Весь гардероб при себе: он и рабочий, он и выходной, собственно, выход действительно был в мир – в мир иной... Немногие выживали, получив сто пятьдесят граммов хлеба – эрзаца в сутки.

Итак, ровно год. Это был год тяжелых испытаний и, похоже, мы их осилили. В 1932 г. нас перевезли в поселок Конюхово, что на Летнем берегу Белого моря. Брат занимался драгировкой морских водорослей, а мы – лесоразработками. От неудачно выполненной операции по удалению аппендицита умер мой брат. Операцию делал молодой местный фельдшер, более квалифицированной медицинской помощи мы не удостоивались. И пошли несчастья одно за другим. Через полтора месяца после смерти брата (1932 г.) похоронили мы свою мать, а затем, вскоре, и сестру Имене, которая была старше меня на два года. Осталась я совершенно одна среди чужих людей. Через два года переселили нас в поселок Лопатка, что в двадцати пяти километрах от п. Конюхово в направлении северо-восток. И снова – лесоразработки в течении трех лет. И снова переселение, только теперь на двадцать километров, но ближе к югу. И был это поселок Кега. Вполне цивилизованный, по тем временам, поселок из переселенцев со школой-семилеткой и маленьким заводиком по выработке агар-агара. Часто приходилось работать на близлежащих участках Ухт-Наволоки, Костылиха, где жгли ламинарию, а золу переправляли на Жижгинский производственный участок. Там из золы получали йод, который потом в специальных глиняных горшках санным путем переправляли в Архангельск. Да разве только этим мы делали свой вклад в оборону страны? Агаровый участок также поставлял сырье для медицины. Манитный участок целевым назначением отправлял свое сырье в Ленинград. В августе 1939 г. вышла я замуж за Крестлинга Александра Александровича. 7 ноября 1939 г. у нас родился сын Саша. Жили мы в это время на Ухт-Наволоке. Участок этот – летняя провинция, в трех километрах от Кега. Роды начались но-

чью, пришлось срочно грузиться на конную подводу и старый рабочий – немец Рейнгольд отвез меня в местную больницу на Кега. Конечно, тогда мне было не до экзотики, но вспоминая ту ночь с благодарностью, вспоминаю и этого старика – немца, который отважился везти меня по бездорожью, в кромешной ночной тьме. У больницы нас ожидала сестра – акушерка Ольга Федоровна Русман. Так благополучно появился в этом мире сын Александр. После больницы с сыном мы возвратились уже в п. Лопатка, там и жили до отъезда на остров Жижгин.

30 августа 1941 года наша семья пополнилась новым человеком. Родился сын Николай. Дети росли трудно, болезненно. Заболел воспалением легких Саша в возрасте 1 года и едва не умер, такая тяжелая форма воспаления, да еще отсутствие квалифицированной помощи со стороны поселковой медицины. Коля вообще рос рахитиком. Большая голова на теле с тоненькими ручками и ножками. Военные годы во все времена оставляли свой отпечаток на детстве, дети скорее напоминали собой старичков, нежели беспечных, озорных ребятишек. Целый арсенал болезней пропустил через себя и сын Николай. Свинкой переболел в возрасте 3 лет, в возрасте 10 лет – корью, затем воспалением легких и т.д. и т.п.

Конечно, сказывались голодные довоенные, военные, послевоенные годы, да и просто неурожайные годы, под стать военным. Все это было...! Пусть не коснутся эти невзгоды поколения идущие за нами!

В 1945 г. мы с мужем Александром Александровичем расстались, он забрал с собой сына Александра, со мной же остался младший сын Николай. Около девяти лет я проработала на агаровом участке в поселке Лопатка, а в 1948 г. переехали с сыном Колей на о. Жижгин, где также устроилась на работу на агаровый завод. В 1956 г. перешла работать уборщицей в контору жижгинского производственного участка, там и поселилась с семьей. 5 мая 1950 г. родилась дочь Зина. Переход на другую работу (уборщицей) связан с травмой ноги. Сказывались простудные заболевания ног (последствия лесозаготовок), чаще стал напоминать о себе открытый ревматизм. Срост перелома ноги произошел неправильно. Квалифицированной медицинской помощи в поселке не было, а спустя годы при прохождении медкомиссии в Архангельске врачи констатировали: время упущено.

В 1968 г. переехали в г. Керчь. Произвели капитальный ремонт дома, построили времянку с баней, сделали ремонт летней кухни, благоустроили двор.

Примечание: Родители мои – зажиточные крестьяне. В хозяйстве было две лошади и две коровы, птица. Работников не было. Работали всей семьей, от того и был определенный достаток. Из многочисленной семьи остались я да сестра Зейнаб.

Родилась я 15 марта 1914 г., хотя день рождения весьма приблизительный, потому что метрика сгорела в архиве во время войны (Великой Отечественной войны), на руки нам никаких документов при выселении из Крыма не дали. В 1946 г. нам впервые в Пертоминске выдали паспорта, а до этого были на руках только справки, которые ограничивали выезд за пределы поселка, в котором проживали. За паспортами из Лопатки в Пертоминск ходили пешком, это более сотни километров бездорожья. В марте пришлось переходить пертоминскую губу по подтаявшему льду – целых семь километров река. На утро весь лед из губы вынесло в море...

Из воспоминаний Окороковой Натальи Гавриловны (урожденная Попова)

Саша, ты просишь написать о моих родителях. По сравнению с твоим дедушкой и бабушкой (по отцу) у них одна судьба в том, что и те, и другие были раскулачены и высланы в начале 1930 г.

Мой отец Попов Гавриил Спиридонович и мать Зиновия Емельяновна жили в селе Солянка (сейчас), Владимирский район Астраханской области (раньше были Царицынское, а затем Сталинградское). Занимались хлебопашеством. Отделился отец от отца рано. Соседи говорили «пропадет Гаврюха». Но он, отделившись от большой семьи (были еще три меньших брата Иван, Михаил и Кирилл и сестра Марфа), не пропал.

Помню был маленький дом из двух комнат, отгороженный дощатой перегородкой с русской печкой и через весь дом сени, из которых дверь выходила во двор с большой щеколдой, однажды которую, раз в жизни зимой, я лизнула, думала белое на ней – сахар. Что случилось – знают все. Потом помню строили другой, новый дом. Хорошо помню жизнь в новом доме. Отец в доме был хозяином строгим, но никогда нас, детей, тем более маму, не бил. Все понимали его с одного слова. Отец, да и мать, всегда были заняты делом. Вставали очень рано и ложились поздно. Иногда днем после обеда понеделугу отдыхал, вздремнув. У отца, а потом и у брата, были ружья. Они охотились на уток, зайцев и лисиц. Состояли в обществе охотников. Зимой приезжали люди и принимали пушнину у нас дома. Зайчатина была основным вторым блюдом в обед зимой. Занимались рыболовством: и мелкой рыбы, и осетрины. Красную рыбу ловили в половодье. Как только рыба попадала в снасти, её тот час отвозили в Кап-Яр за 12 км от Солянки и сдавали (в товарищество или общество, не знаю, как называлось). В зимнее время мужчины занимались скотом, кормили, поили, чистили, следили за отёлом, окотом (родившихся ягнят, телят всегда ненадолго заносили в дом). И очень много занимались ремонтом снастей. Перебирались все крючки для красной рыбы и все перематывались заново и все закреплялись на длинную веревку. Почти каждую зиму вязали новые сетки для мелкой рыбы. Основное занятие – хлебопашество. Сколько помню, было две лошади. Обработывали землю своими силами. Никогда не помню ни работников, ни нянек. В последние 2-3 года пахали, спрягаясь с соседом, родственником. Видимо, где поспевала земля, там пахали раньше, не разбирая, кому первому, ему или нам. Косили траву тоже с ним вместе. При моей памяти земля для пахоты нарезалась с советом на душу, сколько, не знаю. Сенокосы делили после того, как уходила полая вода. Выходили все сельчане. По сколько и как, не знаю. Но знаю, у кого не было лошади, сенокос давали у села, а у кого была лошадь – давали дальше. Старший брат мой в семье помощником не был. Он в 1918 году (в восемнадцатилетнем возрасте) ушел с обозом Красной Армии, прослужил действительную и сверх того, вернулся домой в 1925 году. Вскоре женился и отделился. Старый маленький домик перенесли ему на надел. В 1929 году, я, закончив 4-ый класс, без экзаменов была принята в 5 класс, школа была в Кап-Яре. Но перед началом занятий была исключена. Директор мне сказал: «Получено письмо из с/с, твой отец подлежит раскулачке». Приходил племянник мамы, говорил отцу: «Уезжайте, дядя, куда-нибудь, раскулачат Вас». Отец не верил, говорил: «Я что убил кого или ограбил, чужое взял, за что?» Но пришли люди из с/с, описали скот, одежду, постель забрали. Потом выгнали из дома. Дальше Ручьи, Мезень.

Поселили нас в доме кулака Субботина, его в деревне не было. Дом большой, комнат много, но нас тоже много, и в каждой комнате было помногу человек. Никогда в жизни мы не видели так много клопов и тараканов. Спали мы на нарах, все в покат. Разделялись семьи тем, что одни спали головой в одну сторону, другие в другую. Опять голод страшный, и не было соли. Еду варили, добавляли морскую воду, а она с горечью. От недоедания и без соли появилась цинга. У людей шатались зубы и выпадали. Дети и взрослые пошли просить еду у местного населения. Люди нас боялись, лишенцев-кулаков, да и таких оборванных, худых. Отец мне не разрешал просить. Говорил: «Иди, сделай что-либо людям, если дадут что, скажи спасибо, не дадут, не обижайся, они тебя не звали». Сам ходил и предлагал что-нибудь сделать. Дома чаще всего были женщины и всегда, ругаясь, проклинали нас. Но отец, оглядывая двор, часто находил для себя дело. Закрепит калитку на навесе, набьёт и заклинит то-

пор, поточит пилу, поправит беззубые грабли. И всегда хозяйка с благодарностью за сделанное даст что-то. Потом как-то быстро отец освоил поделку грабилка. Это такое устройство для сбора ягод, в основном черники. Хозяйки, узнав, стали заказывать, а за это платили кто чем мог. Кто крынку молока, кто творога, кто рыбину соленую. И это для нас была большая помощь.

Через год, 1931 год, осень, нас переселенцев, перевезли пароходом на Летний берег Белого моря в д. Летняя Золотица. Выгрузили в цех, где зимой стоят карбасы, и на второй день на подводах увезли за 12 верст в поселок Лопатка. И опять бараки, вот только уже матица, на матицу положили жерди, сверху редко расположены доски, ветки хвойных деревьев и сверху земля – дерн. С обеих сторон барак забит досками с большой застекленной рамой посередине, и по две двери. По одной двери с каждой стороны сразу забили, чтобы не было сквозняка. Как в других бараках, не знаю, но, наверно, так было во всех. Стояли две плиты – «буржуйки» жестяных с проведенными жестяными трубами до половины барака. Плиты стояли для обогрева, но разве его хватало? По центру и по бокам все помещение было разбито на клетки (нары), в боках один ярус, в середине два яруса, площадью 2 кв. м. и на 2 кв. м. Получалось 4 кв. м. на семью. У кого большая семья – занимали две «кровати». Нам хватило одной. Записи сделаны Огороковой (Поповой) Натальей Гавриловной в 1991-1992 г.г.

Секретно

ХАРАКТЕРИСТИКА

На председателя Л.- Золотицкого сельсовета Молокова Семена Ларионовича. Рождения 1895 года, из крестьян, колхозника Кандидата ВКП/б, грамотный, политически развит, не судимый, в армиях не служил. Председателем сельсовета работает с 1930 г.

Массовая работа по сельсовету поставлена хорошо. Политические и хозяйственные задачи по сельсовету выполняются. Школы к учебному году отремонтированы. Проект конституции обсуждается. Сельхоззаготовки, молоконалог и мясоналог выполняются, авторитетом среди населения пользуется. Технику работы сельсовета усвоил хорошо. На основе вышеизложенного
комиссия
считает:

Молокова Семена Ларионовича как активного председателя сельсовета, организовавшего массовую политическую работу по сельсовету, имеющего положительные результаты во всех вопросах работы сельсовета, энергичного, пользующегося хорошим авторитетом, рекомендовать в новые выборы председателя сельсовета можно.

Председатели Крайкома и Крайисполкома – Байдаков, Кудряшов.

Комиссия: секретарь Приморского РК ВКП/б – Огарков.

Председатель Приморского Райисполкома – Шарыпов.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Л. – Золотицкий с/совет. На территории с/совета имеется один рыбколхоз – 74 хозяйства. План лова рыбы и другие хозяйственно-политические задачи колхозом выполняются, актива в с/совете имеется до 15 человек. Кроме того, на территории с/совета имеются два труд. поселка: Конюхово и Лопатка.

Конюхово имеет всего населения 290 человек, избирателей – 191 ч., восстановлено до конституции 25 ч., коммунистов 2, комсомольцев 10 человек. Имеется клуб, изба-читальня.

Дураковский с/совет имеет один рыбацкий колхоз, 51 хозяйство. Хозяйственно-политические планы рыбопутины, натурпоставки колхозом выполняются. Актива с/совет имеет до 15 человек. Кроме того, на территории с/совета имеется т/поселок Кега с населением 507 человек, количество избирателей 364, восстановлено до конституции 10 человек, коммунистов 6 ч., комсомольцев 8 ч., единоличных хозяйств 28. Имеется изба-читальня.

Лопшенский с/с имеет рыбацкий колхоз 56 хоз. Сельсовет и колхоз неплохо справляются с хоз. полит. задачами: рыбопутина, натурпоставки, планы лесозаготовки в 1936-37 гг. перевыполнены. Актива имеется 20 ч., коммунист – 1, комсомол – 7 ч. Одна действующая церковь, единоличных хозяйств – 87, имеется клуб и изба-читальня.

Яреньгский с/с имеет колхоз 48 хоз. Имело место отставание выполнения планов лесозаготовок. Недостаточно проводится с активом и населением массово-политическая работа т.к. на территории с/с нет ни одного коммуниста, комсомольцев 9 ч. Кроме того, на территории с/с имеется т/поселок Сосновка – 215 человек, избирателей 145, восстановлено до конституции 13 человек. Имеется одна действующая церковь, единоличных хозяйств 76, имеется изба-читальня.

Унский с/с. На территории имеется рыбацкий колхоз 97 хозяйств и сельскохозяйственный колхоз 149 хозяйств. Неплохо работают коммунистическая и комсомольская организации, коммун. 8 чел., единоличных хоз. – 30. Имеется изба-читальня.

ВОСПОМИНАНИЯ БАГАНОВОЙ АЛЬБИНЫ НИКОЛАЕВНЫ (прож. г. Керчь)

Я всегда знала, что поморы – великий народ. Я не забыла, как нас спасали они от голода в войну: везли муку, убили оленя и того привезли. Твоему папе, Молокову Семену Илларионовичу, надо поставить памятник. Я помню его, светлая ему память, он был замечательным человеком. Он помогал нам выжить, провожал нас, давая свободу. Прекрасная и большой души была твоя мама, Федора Дмитриевна. Вы тоже голодали с нами в первые годы войны, но я всегда была «участником» за вашим столом. Я пишу и плачу, боль прошедших лет не уходит из сердца.

Я мысленно, ложась спать, пробегаю все тропки, наши места, купаюсь в речке, куклу купаю в речке, она была тряпочная, ее шила мне мама. Она вся смылась, тряпка раскисла, и с ревом пришла домой, мы тогда жили во втором бараке, где был клуб. Мама сшила мне новую куклу, моей радости не было конца. Так мало надо было для детского счастья. Я любила играть на берегу под сложенными бревнами, там было не ветрено. Помню как с папой выезжали на лодке к сетям, рыбу забирать, я рано научилась управлять лодкой и работать веслами. Я очень радовалась, когда маленький тюлень попал, рассматривала его и гладила.

Я как живое все вижу в памяти, все было словно вчера. Помню, как играла с мальчишками в лапту, бросала нож и напильник – тоже была такая игра, дралась с мальчишками из-за брата. Помню вашу баню, улицу и колодец на ней. Так хочется вернуться в детство.

Строки из письма к Анне Семеновне Пономаревой

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ СПЕЦКОМЕНДАТУР и СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ

Беломорская районная спецкомендатура находилась в с. Уна

Спецкомендатура №46 Кислуха располагалась на территории Яреньгского с/совета (8 км до с/совета), обслуживала спецпосёлки Кислуха и Сосновка.

Кислуха – 32 км от райцентра, 8 км до Яреньгского с/совета, 30 км до водной пристани Пертоминск, 21 км до водной пристани Заяцкий мыс.

Сосновка - 8 км до Яреньгского с/совета, 15 км до водной пристани Пертоминск.

Спецкомендатура №49 Кега располагалась на территории Наволоцкого с/совета (10 км от с/совета), обслуживала спецпосёлки Кега, Лопатка, Конюхово.

Кега – 115-120 км до райцентра, 10 км до Дураковского с/совета, 7 км до водной пристани о. Жижгин

Лопатка – 133 км от райцентра, 13 км до Л.-Золотицкого с/совета, 15 км до Жижгина.

Конюхово – 151 км до райцентра, 12 (18) км до Летне-Золотицкого с/совета, 50 км до Жижгина, 13 км до водной пристани Пушлахта.

Автор -Крестлинг (спецпоселенец)

Посёлок Лопатка

Чижик ворона спросил:

- Где так долго был?

- Был на Севере далёком,
В спецпосёлке на Лопатке,

На курорте жил.

Видел много там чудес:

Стоят избы на болоте все рядами,

А вокруг – всё лес да лес,

Рядом – озеро большое,

Говорят, даже рыбное.

В избах тех живёт народ -

Разных возрастов, пород:

Есть там Крымцы, Астраханцы,

Есть Украинцы, Сталинградцы,

Словом, бывший хлебороб и скотовод.

1933г.

Днём – работа до упада,
Вечерами – песни, хоровод,
И за всё это в награду
Вместо груш и винограду -
Мошка, комары и клоп.

...

Кооперация

Нам на обувку и одежду
Шевро и шёлку привезли,
А, по ошибке, на кормёжку -
Отбросы, не картошку,
Что свиньям припасли.
По дорогой цене досталась.
И так пословица на деле оправдалась.

Что в том и толк -
На брюхе шёлк, а в брюхе – щёлк.
На хлеб - житная мучица,
На запивочку – водица
С желтизною, краснотою
И, на диво, точно пиво,
Только ею не упиться.
И вот с этим пайком
Заставляют нас трудиться,
Да не где-нибудь – в лесу,
По соседству с комаром.

Зима

Прошла весна, прошло и лето,
И осень-матушка прошла.
Зато настала зимушка лютая,
Покрыла снегом всё,
Следы все замела.

Но кончилось не всё,
И отдыха как не бывало.
С зимой холодной
Лесозаготовочка подошла,
И в лес рабочих увела.
И мёрзнут бедные ребята,
А с ними вместе и девчата.
Кто пилит, рубит, кто корит,
Морозя ноги – руки,
Всё потому, что не одеты и не обуты.

Высылка

Зима 1930 г.

Нас из дому с хоботьями схватили,
В казармы в город потащили.
В пургу, в мороз на бричках с матерями,
И полузамёрзшими детьми
У входа будущей тюрьмы свалили.
И начался режим тюремный:
С утра – поверка, счёт и дача кипятку,
К двенадцати – обед отменный -
Похлёбка в виде супа иль борща.
И всё из взятого у кулаков добра.
Ведь был приказ всем нам
Набрать провизии из каждого двора,
Ни как-нибудь, а месяца на два.
Пообжились, пообсмотрелись...
Как уж допросы начались:
Кем был, чем стал
И по какому случаю сюда попал.
И всё это среди ночи,
Когда уж сон смежает очи.

Дверь хлопнет – все уж начеку
Ждут окрика: такой-то,
А то какая-то, скорее
Собирайся, на носках быстрее
И на десятый к следователю спрос
Беги хоть гол, хоть бос.
А там, после опроса уж потом -
Одни в казарму, другие – в Исправдом.
И так проходит день за днём,
Разнообразие лишь вносят
Родные да знакомые, друзья
Тем, что продукты нам приносят
И всё это дежурный караул передаёт,
Начальство ведь свиданий не даёт
И строго нравственность блюдёт.
Мужчин от женщин отделило
Ну, словом, институт,
И только парами гулять лишь не водило.
Безделье, праздный разговор
О нашей будущей судьбе
И по углам , и во дворе
Рождали всякий вздор.
Но вот, кто посильней и помоложе
Тех на завод погнали,
Носить песок, копать канавы
Для будущей завода славы.
Однако же настал момент -
Нас стригли, брили
И в банях начисто грехи отмыли,
Ведь мы негодный, вредный элемент.
Всё это было днём,
А ночью каждому с семьёю объявили,

Что за пределы Крыма на высылку идём.
Закончились догадки, разговоры,
На утро подали моторы
И стали нас грузить наскоро
В те самые вагоны, на коих век
Уж надпись милая гласит -
На 8 голов иль 40 человек.
И так мы с Керчью распростились,
И за пределами родного Крыма
По воле наших пролетариев
Искать себе пристанище пустились.

Летняя Золотица

Вот лес, река, за лесом – море,
А на горе, в полуверсте, селенье-горе.
В нём поселили тех, кого прозвали кулаками,
А я, по простоте душевной, назвал бы дураками.
На «Ястребе» нас привезли,
И на берег пустынный с лохмотьями свалили.
Встречать нас не было кому -
Буржуи-кулаки нужны ль кому?
Как громко назвали: буржуи-кулаки,
А посмотришь на их ладони – сплошные мозоли.
Кулачество им даром не давалось,
И отдыхать, и спать на кулаке лишь удавалось.
И так с весны до осени, да и зимою тоже.
Ведь нужно же скотину напоить и ночью корму положить.
За это нас, голубчиков, найдя, что всё это негоже
Сvezли на Север в Золотицкое спокойненько пожить.
19(11).06.1930 г., Л.- Золотица

Лишенцы

Лишенцы? Что это такое?
Это племя очень злое,
Его нужно изводить
И на дальний Север
В Золотицу отвозить.
Там, кого работой,
А кого измором,
Чтоб жирными пайками
Задаром не кормить -
Спокойненько в песочек уложить.
1930г.

Кладбище

Под боком нашего большого
Другой посёлок уж растёт,
Где каждый из большого покой себе найдёт.
Девушка там начало положила,
За ней старухи поплелись,
А за старухами и старики
Поспешно умирать взялись.
Сегодня снова похороны -
Сапожник наш Иван
Нам долго жить всем приказал,
И сыну Николаю с друзьями
Дом вечный построить сказал.
Приказ его исполнили -
Дом новенький построили
И на посёлочек соседний
С честью проводили,
А чтоб местечка не забыть -
Там крестик водрузили.
29 июня (12 июля) 1932 г.

Дневник – воспоминания о жизни на Севере Александра Оскаровича Крестлинга (Крестлинг-Зедах) 1930-1933 г.г. (выдержки из дневника)

- В Архангельске началась погрузка части людей прямо с поезда на пароход. Я с семьёй и остальной партией «лишенцев» погрузились на пароход «Ястреб» в количестве 250 человек исключительно Керченского и Феодосийского района, а через сутки нас высадили на Летне-Орловском побережье в деревне Летняя Золотица, отстоящей от Архангельска примерно в 250 верстах.
- Мы были предоставлены сами себе и, потеряв всякую надежду, что нас устроят, стали устраиваться сами. Я, жена, невестка и сыновья в квартире Фёдора Васильевича Носова, а Мама и Поля у Егора Николаевича Самойлова, через дорогу от нас.
- Сыновья ежедневно ходили на драгировку, вернее сначала на выноску штормовой туры за 6 вёрст от деревни. Одно время жили в избушке «сатанцах», изредка приходили домой помыться и переодеться.
- Все были на работах: кто на туре, кто на стройке кирпичного завода и на разных работах. Все на рабочем пайке, остальные – на гражданском, т.е. полуголодные.
- Жители сначала отнеслись к нам враждебно, и во всей деревне, состоящей из 80 дворов, ни за какие деньги нельзя было купить бутылку молока, несмотря на то, что в каждом дворе стояли 1-2 коровы. Точно так же и рыбы, которую они засаливали в большом количестве. Вскоре наши хозяйки вошли в доверие своих хозяев, стали помогать, оказывать разные услуги, и т.о. взаимоотношения улучшились, и начался обмен труда и домашнего скарба на съестные продукты, главным образом на картофель. Картофель - это единственный овощ, которая здесь садится и даёт хороший урожай. Из хлебных злаков сеют ячмень и называют его здесь житом. Но посевы очень малые.
- В окружающих лесах масса ягод (брусники, черники, вороники, синицы, рябины и т.д.). Грибов много...
- Леса преимущественно состоят из ели, сосны, берёзы и можжевельника, и всё это растёт на болотах, покрытых мхами.
- В каждом хозяйстве одна лошадь, которая с начала весны бродит в лесу на подножном корме, где их нередко задирают медведи.
- Все домашние работы, а равно и посадка, и посев исполняются исключительно женщинами и детьми, даже рыбная ловля на озёрах и та производится женщинами. Мужчины ловят рыбу в море, как говорят, на тонях. Самая ценная – сёмга, попадает зубатка, селёдка и т.д.
- Зимой ходят по принуждению на лесозаготовки; равно с ними принимают участие и молодые женщины. Работа не из лёгких, проделывается только зимою, часто по пояс в снегу, при 20-30 и более градусов мороза.
- Драгировка туры продолжается до заморозков побережья; наряду с драгировкой идёт и её сжигание на золу, из которой потом на имеющихся в Архангельске и на о. Жижгин заводах добывают йод.
- Летом 1930 г. в 12-ти км от Золотицы, в местности, называемой Лопатка строились избы для будущего нашего поселения и по мере того как заканчивали барак, состоящий из 8 комнат и 2-х общих кухонь, в него переселяли нашего брата по две, иногда по три семьи в каждую комнату, во всяком случае не менее 10 человек в комнату (комнаты 20-24 кв. м.) Теснота страшная...

- Шла лесозаготовка, бедняги рабочие проводили в лесу по 16 часов без перерыва на обед.
- Едва успели закончить лесозаготовку, началось беснование с турой, сначала с выброшенной на берег штормом, а затем драгировка – это тоже мученье – с утра до ночи в море на байде с драгою в руках, измокшие до нитки. Возвращаясь с работы уставшими, не варили ничего, а пробавлялись чаем с хлебом, зачастую без сахара, и так до сентября. Правда, вокруг было порядочно ягод, но собирать их тоже не было времени.

1931 год

- Продолжается строительство посёлка, всего 10 бараков, скотный двор, помещение для кооперации и баня. Строили всю зиму, несмотря на 35-градусный мороз. Всё велось ударным темпом, и по мере окончания постройки переселяли в них людей, не смотря ни на холод, ни на сырость, чтобы разредить население ранее построенных бараков. По мере постройки бараков стали свозить из деревни всех наших. Мне уполномоченный Данилов передал предложение почтового агента Дураково вести почтовые дела на посёлке Лопатка, на что я дал согласие. Когда установилась санная дорога, почта стала довольно часто проходить через посёлок, оставляя нашу у меня.

1932 год

- С наступлением весны началось новое мучение – это заготовка дров для кирпичного завода в Летней Золотице. Заготовка шла в лесу, в 6 верстах от деревни и в 18 от посёлка. Жили под открытым небом в продолжение февраля месяца, на морозе и в снегу, часто без горячей пищи, обвешанные и обмерянные на продуктах десятником.
- Закончилось строительство ещё одного барака, туда перебралась администрация, из деревни в посёлок переехал на жительство и наш комендант.
- Стала организовываться сельскохозяйственная артель, вступали в неё неохотно, боязно, но понемногу осмелились, и теперь она насчитывает в своих рядах до 50 человек с их семьями.
- Началась раскорчёвка леса и подготовка земли под посев ячменя и посадку картофеля.
- Артель усиленно занялась посевом и огородами, устроили даже пробный огород с овощами, т.е. бураки, капуста, огурцы, брюква, помидоры.
- Построили дёгтекурку, смолокурку, бондарную и столярную мастерские.
- Скот прибавился, пригнали ещё 5 коров и 11 лошадей, добавилось хлопот с заготовкой кормов. Дело трудное, но наши с ним справились: заготовлено достаточно сена, веток, силоса.
 - Картофель не уродился.
- Наступила зима, лютая, снежная, со всеми её невзгодами, переживать её пришлось всем тяжело, особенно в смысле питания.

1933 год

- Начались заболевания, которые продолжались всю весну, много поумирало, особенно малышей. У фельдшера много внимания к больному и желания помочь, а возможности нет. Плохое питание делает своё дело, люди слабеют. На паёк, как рабочий, так и гражданский выдаётся только мука, дроблёная крупа и сахар, иногда можно купить солёную навагу и сайку.
 - Весна тоже холодная, голодная, с болезнями, смертными случаями, но всё же несущая, как всегда, надежды на лучшее. Все повылазили из бараков ковырять гряды, сажать картофель и сеять огородину, а ра-

бочие – одни – корчевали лес, очищали место для пожень, другие – пахали, третьи вслед сеяли овёс и ячмень, четвёртые готовили огородную землю и её засаживали, устроили парники, словом, дело закипело, всё в ударном порядке, по распоряжению коменданта, который подгонял не кнутом, а выговором.

Охотились: белка, рябчик (косач), тетерев, глухарь

ИЗ ПЕРЕПИСКИ АННЫ СЕМЁНОВНЫ ПОНОМАРЁВОЙ, 1936 года рождения, с бывшими одноклассниками-спецпоселенцами

Из воспоминаний Валентины Фёдоровны Попсуйко (в замужестве Сальникова), проживает в Астрахани:

С посёлка Кега мы уехали 20 августа 1955 года. Сестра Саша училась в Золотице, летом на Лопатку приезжала. Перед отъездом с Лопатки, чтобы заработать деньги на поездку вместе с Машей и Витей, всё лето собирали анфельцию. А я всё лето жила с бабушкой в том бараке, который стоял рядом с клубом.

5-й класс я училась в церкви, а дальше уже в новой школе, которую перевезли с Лопатки в Золотицу. Мне кажется, что Лопатка была самым большим посёлком. Там было 9 барачков, 2 дома на две семьи, в которых жили Головки, Креслины, Поповы и немецкая семья. Больница, где наши мамы рожали, клуб был большой, колхозная контора, заводская контора, большой скотный двор (для коров, лошадей и баранов). Сами делали деревянные бочки для творога, масла сливочного, рыбы. Была смолокурка, там гнали смолу, силосные ямы, где на зиму закладывали силос, а мы, ребяташки утрамбовывали его. На берегу речки Курженки в сторону Золотицы был завод агар-агаровый, на берегу моря стояла сушилка, где сушили агар. В сушилке было очень жарко, на стеллажах лежали решётки, обтянутые мелкой сеткой, куда засыпали сырой агар. Моя мама там ночами работала, она всегда брала меня с собой. На Лопатке было много ягод и малины полно. Помню места, где было много клюквы и морошки, я в детстве пасла колхозных телят, поэтому знала все закоулки.

Из воспоминаний Зои Ивановны Головки (по мужу Шатунова), живёт в Брянской области:

Я очень скучаю по Северу, почти 50 лет как я оттуда уехала, но всё помню, и время там тянулось медленно, детьми мы были, был интерес к жизни, хотя было голодно. Я с сестрой Валеёй часто вспоминаю жизнь в интернате, денег нам мама давала очень мало, а семья была 5 человек. В то время на Жижгине было много людей, было очень весело, наши моряки с поста ставили концерты. В клубе всегда были танцы до упаду, а фильмы на Жижгине крутили каждый день. И кто бы мог подумать, что когда-нибудь придёт время и ничего там не будет, даже пристани. Ведь это же основа острова.

А вот Золотица – большая и красивая деревня. Стоит на красивом месте: лес, речка с островками, близко море. Сколько там раньше людей, детей было много, ходили рейсовые пароходы-красавцы «Карелия» и «Мудьюг».

Доля моим родителям досталась злая, ни за что. Они попали на Север в 1930 году. Сестре моей тогда было 6 месяцев, но она выжила. Февраль и март в те годы были очень холодными и страшными: жили в больших и длинных бараках-шалашах, которые были сделаны из жердей, пол был покрыт нарубленной хвоей, нары 2-ярусные. Для отопления стояло 3 печки-буржуйки, на которых и еду готовили. У всех было по куче маленьких детей, дети страшно болели и умирали. Иногда по 10 гробов в день хоронили.

Из воспоминаний Валентины Ивановны Головки (по мужу Ковиной):

Помню плетёную корзину, что носили у вас за спиной, называли, вроде, пестерем, с крышкой; с ней ходили за грибами и за ягодами. Вот бабушка Сивидовых пошла с таким пестерем за грибами и не вернулась. Любила я уходить за дом, где мы жили (на о. Жижгин), спрятаться от ветра и смотреть на море. По всему берегу острова валялось очень много морской капусты, а сейчас она в малюсеньких баночках продаётся за очень большие деньги. Кто бы мог подумать?..

Моя мама солила и мариновала морковку, и кому хотелось солёного, приходили к ней. Бабушка Ромашиха помогала мне варить, угощала своими шаньгами. Вот хлеб, житники, мне всегда казались кислыми, а такое кушанье, как мачка (рыба несвежая, пожаренная с водой на латке) я больше нигде не встречала, и кислый кисель с молоком.

Помню, на Лопатке я всё ходила на могилку к отцу. Там я всё плакала, что его уже нет и никогда не будет. Вот такая наша жизнь была, а всё равно сейчас думаю, что тогда было лучше и люди заботились друг о друге. Как тогда жил там народ, видимо совсем не было воров, если двери на замок не закрывали, когда все уходили из дому, просто ставили палку наискосок к двери.

Колхозниками были Золотицкие, а с Лопатки работали на заводе. И рыбный кооператив был. Приезжали из Золотицы косить сено, плыли на лодках и пели песни. Косили тогда косами-горбушами.

Из воспоминаний Зои Головки (письмо адресовано Пономарёвой Анне Семёновне):

Наши были на станции Емца, а с навигацией они попали в Пушлахту и поселили их даже к вашей родне Каменской Анастасии Илларионовне, сестре Молокова Семёна Илларионовича. У Анастасии Илларионовны была дочь Паша. Мама их часто вспоминала хорошими и добрыми словами. А в Золотице они жили у Ромашихи и у Пешихи, там родилась у нас и Елена. Мама говорила, что у их хозяев были большие семьи, но они никогда их даже словом не обидели. Наш отец Иван Иванович со всеми быстро сдружился, он был грамотный, всё умел делать. А мама Ксения Андреевна, хорошо шила и прирабатывала этим, брала за работу, кто что даст. Конечно, люди на Севере очень хорошие, наши родители никогда на них не жаловались, и мы росли, учились, дружили с северными девочками. Виновата была наша власть, жертв наделали очень много, да ещё война наступила. Жить всем было тяжело. Да потом мы маленькие без отца остались: мне было 6 лет, Геннадию 4 года, а Валентина была в санатории, ей было 7 лет. У нас не было денег вывезти её обратно, поэтому она прожила там ещё год лишний. Спасибо люди помогли и дали ещё помощь маме от работы. Братья мои: Григорий Иванович работал в Кеге, Дмитрий Иванович – на Жижгине, ещё брат Андрей Иванович, был самый молодой и неженатый, плавал на каком-то судне, утонул в море, похоронен в Яренге.

Анна Ивановна (Подунаенко) была строгая учительница и лентяев не любила, была дисциплина в школе. Мы приехали на Жижгин в 1949 году. Я пропустила год учёбы из-за того, что нечего было на ноги обуть, а сестру Валентину мама собрала в школу.

Отец наш на Лопатке был бухгалтером колхоза, а потом в кооперации работал, был забран на фронт, вернулся в 1944 году, весь больной, прожил 2 месяца и умер в 42 года. А до войны отец работал в лесу, руководил вырубкой леса для стройки. Строил Конюхово, потом Лопатку, п. Кегу, Жижгин. Мы жили в п. Конюхово, это моя и Валина родина. Когда мне исполнилось 1-2 месяца отца перевели в Лопатку, там образовался колхоз и отца назначили бухгалтером.

Фонд 1632, о. 1, д. 1. Бондарная спецпосёлка Конюхово.

За 1933 год произведено:

Бочек сельдянок – 2281, смолянок – 240, ушатов четырёх ведерных – 405, лоханей – 300, ведер – 300, судомоек – 300, квашен – 300, шаек банных 300, корзин двуручных 300, корзин одноручных – 500, корзин с крышками – 1000, корзин сёмужьих – 1000, корзин наважьих – 1000, подножек для цветов – 30, табуреток – 50, гардеробов – 4, столов канцелярских – 50, кроватей – 100, комодов – 20, шкафов кухонных – 20, шкафов канцелярских -15, буфетов – 2, стульев – 50, сундуков – 50, чемоданов – 50, счётов 50, столов письменных – 5, ломберных столов – 30, этажерок – 20, топорищ -1500, рам (погонных метров) – 2000.

Сведения о Лопатке из писем Валентины Тимофеевны

«Живу в Астрахани, а душой на Родине. Очень часто вспоминаю и всё как будто вижу наяву. То Лопатку прежнюю, то нынешнюю. Составила план Лопатки, я думаю, ты разберёшься.

Надо было побольше расспрашивать родителей. Хотя мы свою маму почти не видели. Мы ещё спали, она уже уходила на работу. А вечером приходила затемно. Спасибо бабушке – это отца мать, она нас и воспитывала. Если бы мама сейчас была жива, то многое бы рассказала. У неё очень хорошая память была до конца. Я один раз даже удивилась, как она стала по фамилиям мне рассказывать кто, где жил в селе, откуда их выслали. Там были земли татарские, везде в сельсоветах были татары, а русских было только 5 семей. Вот всех их и выслали, а татар – никого.

Дедушка Попсуйкин Михаил Сергеевич (по отцу) умер по дороге в Великом Устюге, а бабушку Надежду Васильевну взяли с Кеги с собой. Она умерла в Астрахани в 1957 году. Когда выслали, маме моей было 17 лет и она была беременная. Первый сын родился в Золотице и умер там от кори. Мама прожила очень тяжёлую, но долгую жизнь, не ожесточилась, была добрая, её все любили и внуки и правнуки. Отца забрали на войну, а нас детей трое, Саша – сестра родилась в 1941 году. Спасибо бабушке, что она помогла маме.

Да ещё я жила у бабушки на Кеге вместе с Зоей Головки два года. Малюсенькая была комнатка, и она не брала с меня деньги, и я их отдавала маме, а она мне покупала одежду. Спасибо Петру Фомичу, он был хороший друг дяди Вани Криони, и у меня у первой на Кеге были резиновые сапоги, мне купили зимнее пальто, а у старших девчат были только фуфайки.

Бабушка говорила, когда их привезли с Золотицы на Лопатку, то поселили в одной комнате пять семей: Попсуйкиных было 4 человека: мама, папа, бабушка (Надежда Васильевна) и Нюра – это сестра отца, ей было 13 лет. Семья Андреевых – по маминой линии - и две семьи Деменко: два брата, но не знаю, были ли у них тогда дети и ещё Дмитриевы. Даже не представляю, где они спали, конечно, на полу, но столько разложить, тут и пола не хватит. Потом стали строить бараки, и стали расселять. При моей памяти в первом бараке, где была больница, жили Иван Криони с семьёй, бабушка Негодова и Дмитриев, а одна комната была пустая. Люди уже стали уезжать. Ну, в общем, какие фамилии помню, напишу: 2 барак. Ткачёвы 2 семьи, Сысоевы, Степановы, Резниковы и ещё жила женщина, у неё муж был больной, не ходил. Я даже не знаю, как она его увезла. 3 барак. Деменковы 2 семьи, немцы, Осиповы, Плаксины, дядя Федя Сыроватский с семьёй. А в нашем бараке: мы, Журавлёвы, Коган, Якущенко тётя Клава с двумя детьми, в другой половине Криони Илья с семьёй, Якущенко Иван с семьёй, Панкратовы, тётя Катя Борисова, Негодовы. А в том бараке, где рядом избушка, жили Кольченко с семьёй, он был слепой, Медоновы, Штепо, Сильгеиновы. В следующем бараке жили Книжниковы, Согновы, Балакоревы, Сыроватский Николай, Сысо-

ев дядя Паша, у него жена была немка и много детей. В последнем бараке жили заводские, я только помню, что ходила с своей соседкой Валей Якущенко, там жила немка, а муж Якущенко, его убили на войне, сын был большой и не ходил. Она с моря приносила воду и делала ему ванночки, но так он и не стал ходить. В двух домах, что на два хозяина жили: в одном Немцы и Головки, в другом – Крестлинги и Поповы. Во время войны к нам приехало много народу, им рассказывали, что здесь рыба на берегу валяется. Эти фамилии я помню хорошо: Юшковы, Байковы, Башловские, Ширяевы, Фирсовы, тётя Маруся Прохорова, а дочь Нина Дмитриева, её муж Нил Михайлович с сыном Лёшей, Семёновы. Много приезжало с Ленинграда: девчата молодые, и рассказывали, что там творилось. Мама у них тарелки на картошку выменяла. Ленинградцы уехали быстро. Дядя Федя Сыроватский с войны пришёл без глаз, у него были дырки вместо глаз. Он к нам приходил, бабушка давала ему закурить, она выращивала табак, всё думала сынок придёт с войны. А ещё бабушка нашла на берегу очки, которые носили лётчики, и тоже отдала дяде Феде, у него была большая семья.

Ещё не всё написала, колхоз наш назывался «Сталинский путь», в 1948 году его соединили с Золотицким. У нас выращивали рожь, ячмень, овёс, репу, турнепс, брюкву, морковь. Я уже в 48 году училась в Золотице в 5 классе. Вот помню, как я шла зимой пешком, в первом году у меня не было лыж. Деревенские женщины зимой перевозили с Лопатки в Золотицу овощи. Они едут на телеге и едят турнепс. Я была удивлена, что холодно, а они кушают. Они этого же ничего не видели, для них было это лакомство. Не зря же на вечере у Полины в 2008 году один из Устиновых благодарил наших людей, что благодаря нам, они многому научились. Бабушка моя Надежда Васильевна говорила: «Не кулаки мы, а дураки, работали и не знали отдыха». Я очень любила свою бабушку, если бы не она, то не знаю, как бы мы жили. Мама одна с тремя детьми, война, да ещё и в колхозе работала. Кто в заводе работал, им было легче, они получали деньги, а в колхозе - только трудодни. Платили 10 копеек за трудодень.

Может, ты знаешь, что такое чигирь? Это как колесо обозрения в парках, только меньше. На это колесо закреплены ковши не из металла, а резина толстая, и этот чигирь стоял в озере, а на берегу была площадка из доски, круглая. Там запрягали лошадь, и она крутила этот чигирь. Был сделан жёлоб, и вода в него лилась. Поливали капусту, она росла на возвышенности, но только почему-то не было кочанов, а только зелёные листья. Люди наши были с толком, а особенно немцы. Дядя Порот был умница. Вот они работали в кузне и мельницу он соорудил. Я всё удивляюсь, где они взяли два колеса, и мы их крутили, и мололи муку. А ещё я удивляюсь, как они делали бочки деревянные, ведь ни света, ни техники никакой. А обруча для бочек делали из ивы. Я помню, как женщины зимой ходили за озеро и резали ветки ив. Бочки нужны были для масла сливочного топлёного и творога и для рыбы. Меня, как закончила 7 класс, сразу поставили на маслобойку с Любой Самойловой. Мы молоко сепарировали, масло взбивали, творог варили и ещё масло перетапливали. Коров было много, четыре доярки по 14 коров на одну, доили вручную, летом по 3 раза, третий в обед ездили доить. Моя мама была дояркой, мы её почти совсем не видели. Немцы у нас были. Один был врач, а его жена тётя Тереза Майер была медсестрой. Один был председатель колхоза дядя Яша, а молодой Отто был продавцом. Во время войны их забрали, вернулся только Отто. А потом их ещё раз выслали в 1948 году. Одна семья Сысовых, он был русский, а она немка, у них было пять детей. Ему говорили, что ты можешь остаться, а жену и детей вышлем, но он уехал с ними. Мария Ивановна Юшкова с тётей Терезой переписывались.

....

Пишу тебе о Степанове. Это очень плохой человек. Он был какое – то время председателем колхоза. Моя бабушка Василиса Михайловна, у неё было много детей, пришла просить к нему денег. Он ей сказал: «Бери верёвочку и иди на ёлочку!» Зоя говорит, что он давал, по его доказу садили людей. Её отца и ещё двух мужчин забрали, правда, её отца отпустили, а те двое не вернулись. Потом мама мне рассказывала, что все люди были недо-

вольны. Было перевыборное собрание, но почему-то не в посёлке, а на агаровом заводе. Наши не пошли, но ночью проснулись от ликования, все в бараке кричали: «Ура!» это сняли Степанова. Вот тогда поставили немца Яшу. Степанова на Лопатке боялись, это уже при моей памяти. Не разрешали рвать траву для коз. Я рвала в том месте, где мы шли по поляне к озеру, там была вырубка. Я целый день рвала и расстилала, а ночью с мамой и Виктором ходили её собирали и носили в посёлок, чтобы не видел Степанов. Один раз я нарвала, а днём Нил Михайлович пустил туда коров, и они всю траву перегадили. Я так плакала, мне было жаль свой труд.

Кем он работал (о Степанове) не знаю, но рыбаком он был. Жена его тётя Нюся была хорошей женщиной, она с мамой доила коров. Тётя Нюся была, как заведующей, а мама младшей. Из-за его и детей не любили. У нас был такой случай: два мальчика Валя Степанов и Ткачёв Коля взяли санки и спустились на озеро, а лёд был тонкий, и они провалились. Когда их достали, то все кинулись к мальчику Коле, а к Вале никто не подошёл, кроме моей мамы и нас с Витей. Валентин остался жив, а Коля умер.

Саша, моя сестра, рассказывала, как они в школе в грязную воду в тазик под умывальником окунули его (Вале) голову. Им за это попало!

Когда я жила на Кеге, то мы ходили в Л. Наволок к портнихе, она очень хорошо шила, я шила у неё костюм. Платья мне мама шила. Я не помню, чтобы мы там ночевали, а в клуб на танцы ходили. И я была удивлена: сколько там было ребят. Все высокие, красивые. Я не знаю, кто мне говорил, что в деревне в некоторых семьях по 5 – 6 детей и все ребята. Вот у Люси Шевчук муж тоже настоящий помор (Репин Пётр). Я всё не могу себя простить, что купила заранее билеты на обратный путь. Я бы с вами тоже съездила в Л. Наволок и там бы увидела Сашу (Бронникова (Шаликова) Александра – мать мэра Архангельска), она со мной работала в больнице медсестрой. Люся мне сказала, что она плакала и очень сожалела, что меня не увидит».

Привет с Ахтубинска!

(выдержки из писем Негодовой Лидии Дмитриевны, адресованных Зинаиде Жуковой)

- Зина! О твоём дедушке добрая слава осталась. О нём отзывались только хорошо все люди, которые ушли в мир иной, а теперь как мы встречаемся, у нас все разговоры о Родине и в первую очередь вспоминаем о Семене Илларионовиче. После коменданта Карманова люди говорили: «Мы свет увидели при Семене Ил! Он людей жалел, охранял, оберегал. Знал, кого куда направить на работу, по состоянию здоровья и семейной жизни. Вот, например, Данилова Анна Михайловна воспитывала одна пятерых детей. С.И. находил для неё работу такую, чтобы женщина не надорвалась и зарплату получала не меньше, чем мужчины.

- А первым председателем колхоза был Молоков Кузьма Ил? О нём тоже добрая слава осталась, его также уважали и любили колхозники.

- Зина, ты ещё спрашивала, где я родилась. Я родилась в п. Лопатка 1938 г. 22 июля и жила там примерно до 1943 года. Отца нашего отправили в Кислуху ловить рыбу для фронта, ему в команду прислали после ранения солдат несколько и местные люди были. Но папу нашего сразу забрали, как началась война, а нас он после забрал. А тонЯ находилась в п. Сосновке на берегу моря. А посёлок выше в лесу у озера находился. Я была ещё мала, ходила в этот посёлок через речку. Мостик красивый был и рядом стояла баня. А ещё я видела загоны и мне объяснили, что здесь разводили лис - чернобурок. И жили мы на тоне до конца сезона ловли рыбы, а после переезжали в Кислуху зимовать. А зимой ловили навагу, морозили и на санях увозили в сторону Архангельска. В Кислухе я жила до 1950 г., потом меня отправили жить к

бабушке Насте Негодовой на Лопатку, я училась в школе в четвертом классе у Юшковой Марии Ивановны. В 1951 г. семья моя Негодовы переехали на Кегу и работали на агаровом заводе, а мы учились в Золотице и жили на агаровом заводе и жили в интернате.

- Зина, на этой странице напишу о Церкви Золотицкой. Много просматривала кассет, а вопрос вставал, почему не видно ни на какой кассете церкви? И вот ты сообщила, что церкви нет. Зина, ты знаешь, какое состояние было у меня? Вот как будто что-то из души вынули и до сих пор это состояние не проходит. Я училась 3 года и жила в интернате напротив этой церкви, и она всегда стояла перед глазами. Душа болит и скорбит о ней. Как поднялись руки на такую святыню? Деревня Золотица без Божьего храма – это не деревня!

- Агар-агар вырабатывал Кегский завод. Я временами там работала, даже этот продукт сушила на паровых барабанах. Анфельсию сначала вываривают, разливают в корытах специальных, застывает в студень, режут на пластинки на специальных струнах, вымачивают в чанах больших с добавлением хлора, пластинки обесцвечиваются, становятся прозрачными. И тогда отправляют в сушильный цех. Агар-агар получается тонким, средним и потолще, это зависит от варки. Мне приходилось выгружать варошную, так называли емкость, где хранилась анфельсия. Меня опускали в емкость, я там накладывала ведра, а сверху вытаскивали, грузили в вагонетку, которая стояла на рельсах. Это происходило на крыше. После эту вагонетку отвозили на определенное место, около речки. Летом там всегда роилась мошкара. Работа была интересной. Семен Ил. следил за работой этого завода. Иногда и ночью приходил, проводывал рабочих. Они за честь считали, что директор беспокоится и днем, и ночью за них.

- Доехали до Котласа, и здесь остановка была долгой. Хоронили мертвых. Бабушка Таня пошла на речку и там в проруби стирала бельишко, и просчитала, сколько гробов вынесли – 80! После местный народ стал возмущаться, что мол заполонят кладбище, тогда стали хоронить в одну братскую могилу. Дед Иван прошелся по берегу реки и встретила ему небольшая пристань, и там стояли небольшие судёнышки. Люди там работали, занимались ремонтом двигателей. Дед стоял, слушал гул моторов, потом им подсказал, что надо делать, он по звуку знал причину поломки. Люди пригласили его на судно. Дед несколько дней ходил помогал им. Перед тем, как уезжать, люди ходили к своему начальству, чтобы деда оставили здесь, но по ихнему не получилось. Едем дальше.

Чем ближе продвигались на север, тем холоднее становилось, для южного народа это грозило болезнями. Стали болеть люди и разразился тиф. Мама моя в возрасте 14 лет заболела. Маму Евдокию Ивановну сняли с поезда в Архангельске, других тоже, а остальных повезли дальше на север. Мама лежала до лета и как только начали ходить пароходы, тогда она снова встретила с родителями. В больнице она была послушной и помогала всем и во всем. Ухаживала за одним мальчиком, а мать бегала и под окном все плакала. Ее больные успокоили: «Не плачь и не расстраивайся, за ним ухаживает девочка не хуже мамы. Тогда та женщина стала приносить на двух пареные яблочки.

Однажды врач пришла старая еврейка и стала больных обслуживать. Один пожилой мужчина лежал в палате женской, некуда было положить. Врачиха прочитала на спинке кровати описание больного – кто он, откуда и диагноз. И начала на него кричать и кружкой металлической бить по груди – «Это вы, кулаки, прятали хлеб!», и что-то другое. Больные пожаловались при обходе врачам. Этой еврейки больше никто не видел.

Перед выпиской нянечки приготовили маме гостинец. Они насушили сухарей и собрали, отцедили сухофрукты из компота, завернули в пергаментовую бумагу и получилась посылка, чуть меньше полмешка. И отправили ее на пристань к теплоходу. А пароход ушел и будет

через неделю. Она жила в такой комнате, где были одни мужчины. Кругом непролазная грязь, а стол неузнаваемым был. Она попросила одного, чтобы нашел ведро воды помыть. Нашла воду, какую-то тряпку, стеклышко, отскоблила стол стеклом. Помыла полы, мужики не узнали свою ночлежку. Каждый день один человек приносил ей булочку французскую, ей специально выписали, после тифа надо было кушать белый хлеб. Вот на этом и закончилась красивая еда, а потом по приезду к родителям начался голод.

Мама говорила, подъезжая на пароходе к Зимней Золотице и приближаясь к берегу видит, что её мама Татьяна бежит по берегу, мечется. Встретились, и бедная бабушка Татьяна за этот мешок уцепилась крепче, чем за дочь. Да, голод делает непредсказуемые вещи.

Зимняя Золотица из двух частей Нижняя Золотица и Верхняя Золотица. Местные люди выделили им баню и в ней проживала семья Бибиковых. Дед и бабушка в Верхнюю Золотицу ходили подработать на проживание. Дед мастером, бабушка занималась шитьем. Платили продуктами. Однажды родители были на заработках, мама моя и сестра её младшая гуляли по берегу моря и попался на пути какой-то червяк, они принесли домой и сварили его в чугунке. Очень вкусный был и бульон тоже был вкусный.

Николая, брата маминого за неуместную шутку наказали, посадили в яму, 3 или 6 дней он там сидел, не помню, с маминых слов. Дело это было зимой, в хромовых сапожках и в одежде южной. Семья сильно переживала за него.

Пришло время умирать дедушке. Ночью сказал Татьяне поднять детей, чтобы попрощаться. Попрощался и детям наказ дал. Дети, верьте в Бога. Бог на свете есть! Повторил три раза. Верьте в Бога! Верьте в Бога! Верьте в Бога! И сомкнулись уже губы навсегда! Дед мой умер с голоду!

Не знаю, какой это голод был, но я так думаю 1931-1932. Люди, которые остались живыми, перевезли в Архангельскую область п. Лопатка. Рядом находилась д. Л. Золотица. Поселок Лопатка, когда она образовалась, назывался Лопактой, но людям было проще называть Лопаткой, народ был многонациональный, не все могли называть Лопактой.

Новое место, новое местожительство. До их приезда построили бараки. Народу было много и жилья не хватало, приходилось в одну комнату поселять по три семьи, а потом расчерчивали полы мелом, для семьи каждой был свой уголок.

Со временем стройка шла, и переселяли каждую семью по комнатам. Началась жизнь. Создали колхоз, занимались скотоводством, рыболовством, сельскохозяйством. Все работали и даже дети.

- Моя мама Евдокия работала везде, куда не пошлют, и к каждому празднику получала подарки, сверстники злились. Однажды зимой в 40-градусный мороз она согласилась поехать на пожню за сеном для скота, потому что все отказались ехать. Поехала Евдокия за сеном, привезла, а снегу было по брюхо лошади. На ней были хромовые сапожки и эти сапожки уже снимали в амбулатории вместе с подошвой ног. Доктор был немец Андрей Васильевич Майер. Мама долго лежала в больнице, лечили ей ноги. По весне привезли. По просьбе доктора, какой-то аппарат. Мама так говорила: «Стали водить этим аппаратом по ногам и я ощутила покалывание. Такая была радость для всех, а особенно у доктора, он ликовал. А у начальства местного груз такой с души спал». Мама поправилась и приступила к работе.

- Мама работала на острове Жижгин и на острове Жужмуй, и в других местах. Она рассказывала, шли с работы по обочине дороги, видят, ноги человека из-под земли торчат. Старичок проводил нас вперед, а сам прикопал людей, снег стаял, а мертвые на виду остались.

- Рабочим выдали ботинки на деревянном ходу. Ходить было невозможно, берег каменистый и покрыт морскими водорослями, ноги скользили и люди разбивались. Они выкинули эти ботинки и ходили у кого что есть.

- В основном мама работала на Лопатке, носили на носилках туру-ламинарий с берега моря, жгли в печах, получали йод, занимались сенокосом, посевы убирала, корнеплоды.

- В то время над ними надзиратель был комендант с оружием, фамилия Карманов. Издевался над людьми. Люди летом бегут с работы, надо вовремя детей забрать, где гриб сорвут, где ягоду, кто клочок травы для козы или дровеняку на плече надо принести для топки плиты. А комендант смотрит, у кого дым идет из трубы, заходит в комнату, берет ведро воды и заливают в плиту. И доволен.

Осень, дело шло к зиме, пригнали лес плотом, мужчины должны были вытащить этот лес на берег. Этот комендант ночью собрал всех молодых девчат и пригнал на берег. Девочки вытаскивали бревна на берег, а у берега уже образовалась вода кашей. Мужики утром вышли на берег, так и ахнули, увидев эту картину. После много девочек заболели и поумирали.

И ещё ночью придумал, ночью поджег лес у малиновой горы, недалеко от моря и ночью поднял народ тушить лес. Так и осталось название – пожня Карманова.

Много бед творил. Старика одного сжег в печке, в той, которой жгли туру на йод. Печь была свободной. Дед залез погреться в эту печь и получил смерть.

Золотицкие коммунисты не выдержали и сообщили в Архангельск начальству, и быстренько прибежал катерок, забрали коменданта, но до места назначения он не прибыл, так говорили люди. И в Архангельске его уже никто не видел.

- Рыбу солили в чанах в большом леднике. Начало его от берега и тянулся далеко под землёй. У папы был маленький ледничек в виде домика небольшого, он засаливал рыбу для спецзаказа. В ясную погоду прибегал небольшой катерок, забирал рыбу и тут же уезжал. Ему начальство доверили засаливать рыбу для спецзаказа.

Во время плохой погоды папа своих работников баловал соленой семгой, очень вкусная. Но находились из этой бригады доброжелатели и докладывали начальнику Кравченко. Начальник, он тоже из репрессированных, папу на ковер вызывал, но никогда не наказывал. А ты что хочешь, чтобы ловить рыбу и не попробовать, отвечал папа?

- К концу лета и началу осени начинали готовить снасти к зимовке. Начинали с самого дальнего, третьего котла. Хорошо просушивали на вешалах, заносили в жилой дом, приготовленное место находилось в углу. Там из досок готовили нары на подставках и раскладывали сети аккуратно, каждый прослой посыпали солью, и чтобы сети не касались стен, и чтобы мышам не было раздолья. А весной - начало лета варили смолу, смолили сети, просушивали на вешалах.

Мы, дети, помогали чем могли, вили канаты, раскладывали соленую рыбу в большие бочки. До середины бочки укладывали взрослые, а потом мы – дети, ставили нам под ноги ящики.

- В 1951 г. переехала семья наша, а также все остальные люди в поселок Кега. В Кислухе организация спецторг распалась и люди уезжали кто куда. На Кеге заготавливали морскую траву анфельсию (по книжному она называется по другому), драгировали со дна моря. Зимой заготавливали дрова в лесу для завода агар-агар, весной шили карбаса. Но из Кеги тоже люди стали уезжать на свои исконные Родины.

Лагеря на Архангельском севере

Талага (лагерный пункт, Талажская исправительно-трудовая колония)

Талажская исправительно-трудовая колония до 1942 года входила в состав Кулойлага. В 1942 году Кудойлаг был расформирован. Позднее колония стала подразделением Ягринлага.

В Талажской колонии заключенные занимались заготовкой и сплавом леса, смолокурением, лесопилением, освоением аварийной древесины, деревообработкой, были мебельный и гончарный цеха, сельскохозяйственная часть, кирпичное производство, занимались строительством дорог, водопровода, мыловарением, капитальным строительством, было обувное и швейное производство, изготавливали металлоширпотреб. Строили аэродром.

Инженер-физик Каган Виктор Кусиэлевич, арестованный в Молотовске в 1945 году и получивший 10 лет ИТЛ некоторое время отбывал срок в Талажской колонии. Вот что он написал в своих воспоминаниях:

Талага — модель ГУЛАГа

В 1945 году настала моя очередь: мне дали стандартный срок десять лет. Я попал в ту самую Талагу, где был упомянутый в «Архипелаге ГУЛАГе» плановый выпуск мебели на базе аварийной древесины — бревен, отбившихся при сплаве. Помню совещания, на которых золотопогонные начальники решали, сколько аварийной древесины нужно заготовить на следующий месяц. Чем не модель всего ГУЛАГа, который обеспечивал плановое производство в целых отраслях хозяйства всей страны на базе «аварийной» рабочей силы?..

Юрий Маркович Грачевский, поэт и писатель, в начале 40-х годов отбывал часть своего срока в Талагах.

Позднее он написал: «Талага. Старорежимный лагпункт на берегу Кузнечихи, повыше Белого моря, чем Ягры. Но все же являющейся дельтой Северной Двины. Старый – старый, долгими годами обживаемый лагерь. И, по сравнению с Молотовском, домашний какой – то. Уголовников нет совсем – только 58-я. Живут здесь безвыездно, безэтапно помногу лет. Состав более или менее подходящий. Прижились. Приварились. Попривыкали друг к другу. Все про всех все знают. Не то, что на Яграх, где и лиц – то запомнить невозможно, не говоря уже об именах. А тут все по имени – отчеству. Все на «вы», кроме тех, кто так спаялся с соседом, что как бы на брудершафт с ним выпил. А вообще – то всяческая грубость не одобряется. Интеллигентская царит атмосфера. Кто мог предположить тогда, что не минет и двадцати лет, а и этого, будто на века встроенного в землю лагеря, уже не встретишь на берегах Кузнечихи. От него и следа не останется, разве только наименование...»

В Талаге строится аэродром.

Пни раскорчуют и нальют гудрон.

И плитами бетонными уложат

А мертвых даже и не потревожат...

Доски мемориальной не поставят

И не запишут летчику в уставе,

чтоб он, с земли набравши летных сил,

пилотку снял и лоб перекрестил.

Это написано куда позднее, в 60-х годах, то есть двадцать лет спустя.

Бывший боец военизированной охраны (ВОХРа) Борис Васильевич Сороумов рассказал, что служил в самом Молотовске, на лагпунктах в Талагах, на подкомандировке от Талажского лагпункта на Пуксе в Плесецком районе (располагался в 30-40 километров от Пуксы, примерно 100 заключенных занимались заготовкой леса), в Васьково. На лагпункте в Талагах, во время моей службы содержалось около 500 заключенных мужчин, проживали они в трех бараках насыпного типа (два слоя досок между которыми насыпаны опилки). В зоне была кухня, столовая, баня, клуб. Бараки для охраны и для самоохранников (охрана из числа заключенных) находились вне зоны. Рядом с зоной была деревушка в 3-4 дома, туда ходили покупать молоко. За рекой большая деревня, ездили (на лодке) в клуб на танцы и в кино. Заключенные занимались заготовкой леса и строительством аэродрома. Ежедневно по ночам умирало 3-4 человека. Умерших в лагере отвозили на кладбище на лошадях специально выделенные расконвоированные заключенные.

Вспоминает Альбина Ивановна Резвая. Ее мама Анастасия Федоровна Гамиловская (1904 – 1986), уроженка Ровдинского района Архангельской области, осужденная в 1942 году на 5 лет лагерей по оговору односельчанина, отбывала срок в Талажской ИТК: Срок свой мама отбывала в Талагах, меня поместили в дом малютки при колонии. Смутно помню кроватку и белую стену. Мама рассказывала позднее, что ей давали свидание со мной раз в неделю, что угостить она меня ничем не могла, разве иногда морковку на поле подберет. Там я пробыла до пяти лет, так и не научившись ходить. Мама вспоминала, что заключенные были доброжелательны, надзиратель Лемченко говорил маме: «Ты ничего не делай, только помоги им (заключенным, не имевшим опыта работы в сельском хозяйстве) лошадь запрячь, научи, как сено правильно наложить и увязать, чтобы воз по дороге не развалился». Что в лагере было голодно, копали и ели мерзлую картошку. Иногда картошку пекли в горящем торфе. Освободили маму досрочно по чьему - то ходатайству и как многодетную мать. Она пешком, со мной на руках дошла до Архангельска, нашла папу, и они вместе возвратились домой в деревню, в свой недостроенный дом. Брат Виктор вспоминал, что мама пришла очень худая. Лагерь сломал ее морально: ни на каких праздниках она никогда не пела и не плясала вместе со всеми. Работала в колхозе. Мы все маму очень любили, во всем ее слушались, радовались, когда она нас похвалит. В деревне к ней все относились с уважением.

Мой папа Василий Иванович Хабаров, 1888 года рождения, был участником Первой мировой войны, тогда он попал в плен, в плену работал в личном хозяйстве у австрийца три года. Обычно брали пленных на работы только на летний сезон, но хозяин оставил папу у себя на

три года. В годы Второй мировой войны папа работал кочегаром в котельной воинской части. Однажды вечером в разговоре с рабочими он вспомнил австрийца, у которого работал, добрым словом. За это был осужден на три года. Срок отбывал в лагере на Левом берегу (по справке информационного отдела МВД — в Талагах.— Г. Ш.). Там заболел туберкулезом, был отпущен досрочно, вероятно, в 1946 году. За реабилитацией не обращались.

(Из информационного центра МВД о В. И. Хабарове: арестован 31 июля 1944 года, осужден трибуналом войск НКВД 1.09.1944 на 3 года по статье 58, п. 10, ч. 2 и на 3 года поражения в правах. Прибыл из Архангельской тюрьмы в Талаги 9.09.1944. Освобожден из лагеря 1.08.1947. Из той же справки следует, что до ареста В. И. Хабаров работал плотником в КЭП Молотовского гарнизона Беломорской военной флотилии плотником. — Г. Ш.)

Записала Г. Шаверина, 20 января 2014 года, Северодвинск

Из воспоминаний Алимовых Антонины Александровны и Николая Зардиновича

6 августа 2015 года

А.А. Проживает в Талагах с 1953 года. Рассказала, что лагерная зона находилась там, где сейчас располагается психбольница. Много лет бывшие лагерные бараки после переоборудования использовались как больничные корпуса. Сейчас деревянные корпуса полностью или частично разобраны. Лагерь располагал своей электростанцией, кочегаркой, шпалорезкой, водокачкой, лесобиржей, большим подсобным хозяйством (сажали картофель, капусту и другие овощи, было тепличное хозяйство для огурцов, помидоров и др.), был коровник с электрической дойкой, сбивали масло, была конюшня, заключенные обжигали известь, изготавливали кирпич, делали мебель (шкафы, столы, гардеробы и др. изделия), рубили лес, строили аэродром. Однажды, спрятавшись в шкафу, одному заключенному удалось уйти из зоны лагеря, но он был за зоной в шкафу обнаружен. Лес до лесобиржи доставляли по реке плотами, заключенные его выкатывали на берег, складировали, разделявали. До сих пор видно, что дорога на территорию, там где располагалась лесобиржа, была выстлана опилками, даже несколько пружинит под ногами (Г.Ш.). До устройства лагеря территория, где располагался лагерь и промзона, была покрыта лесом. Заключенные вырубали лес, построили себе бараки и другие лагерные постройки, жилье для охраны и персонала, клуб, производственные сооружения.

Зона была окружена деревянным забором и колючей проволокой. Заключенных водили на работу и с работы под вооруженной охраной с собаками.

Подтвердила свидетельства других жителей о месте захоронения заключенных (Г.Ш.).

Далее мы посетили и записали воспоминания Чуповой (Агапетовой в девичестве) Лидии Федоровны, 1927 г.р. и ее дочери Зои Вячеславовны. В поселке проживает с 1943 года. Работала радисткой на телефонной станции. Хорошо играла на аккордеоне, пела частушки (240 частушек записано, несколько пересказала нам). Родом Л.Ф. из деревни Повракула, что за рекой Кузнечихой. Парни из этой деревни служили охранниками в лагере. Военизированная охрана (стрелки) в основном состояла из украинцев. Заключенные на телефонной станции ремонтировали аппаратуру, приводили их под охраной, даже в туалет сопровождал охранник, запрещали вольным разговаривать с заключенными. Заключенные тайком подкладывали письма в журнал для пересылки. Один положил и пригрозил последствиями, если не отправлю. Письмо его я прочла. Там была написана просьба прислать ему паспорт и сапоги.

Главная улица поселка проходит по бывшей узкоколейной железнодорожной ветке. Для лагеря и промзоны вырубил лес по берегу Кузнечихи и на всей территории лагеря. Начальником лагеря был Кунарин. Были побег. Заключенные сделали подкоп, в который за зоной случайно провалился охранник, так подкоп был обнаружен.

Считает, что все заключенные были политические. Ходили и расконвоированные, работали на складах, водили катера. Заключенные построили мост через реку Юрас, дорогу на нефтебазу, ТЭЦ, лесоповал в Семиречье, туда вела лежневка. На Юрасе был сооружен ложный аэродром. Местного населения тогда были единицы. Психбольница занимала лагерные бараки после ремонта в 1962 году.

Местный житель Антон Терещенко на деревенском кладбище показал место, где были раскопаны детские гробики один на другом, останки были уложены в опилки (вероятно это захоронения детей из лагеря, в Молотовске детей тоже хоронили на городском кладбище). На том месте сейчас могила.

Встреча со Свириденко Николаем Ивановичем 1937 г.р., отец служил в лагере

Николай Иванович нарисовал на спутниковой карте (была у нас с собой) расположение лагерной зоны, расположение барачков и других строений, расположение ограды и вышек, примерную территорию промзоны, дорогу, по которой заключенных водили на строительство аэродрома. Рассказал, что у лагеря была своя сапожная мастерская (около зоны) и швейка (2-х этажное здание сохранилось), баня, бараки одноэтажные прямоугольной формы, отдельно барак для больных туберкулезом, клуб, лагерный медпункт. Подтвердил информацию о лесосборке и пилораме: лес плавил к лагерю плотами, заключенные его выкатывали и перерабатывали, был мебельный цех. По берегу реки Кузнечихи были четыре кирпичные печи, глину доставляли из карьеров на тачках, формовали, под пресс и в сушилки. Готовый кирпич доставляли в Архангельск (берег реки на большом расстоянии до сих пор усеян кирпичной крошкой). Производство кирпича было прекращено с закрытием лагеря, работать стало некому. Насыпь для Талажского шоссе отсыпана заключенными. Лес валили вначале на Титово, потом в Семиозерье.

Подтвердил место захоронения заключенных, указанное нам ранее уже несколькими людьми и информацию об известковом заводике, на котором гасили известь.

Встреча со Швед Ниной Петровной, живет постоянно в поселке Талаги

Помнит, что в лагере содержались женщины и мужчины, в лагерной пекарне пекли хлеб и для школы (пекли ли для всей деревни – не знает). В зоне была гончарная мастерская. Школьников в 8-9-й классы возили на Сульфат на лагерных лошадях, возчиками были заключенные. На строительство аэродрома заключенных возили на фурах (грузовые машины с брезентовым верхом) под вооруженной охраной с собаками.

Встреча с Прохоровой Тамарой Иосифовной, родилась и всю жизнь работала в Талагах, учитель истории.

Рассказала о лагерном подсобном хозяйстве: на берегу поля с картошкой, капустой, морковью, выше теплицы для выращивания огурцов. В доме № 36 (современная нумерация) располагался закрытый детский дом за забором. Дети не гуляли по поселку и не учились в местной школе. Так же рассказала об изготовлении кирпича, глиняных карьерах, узкоколейке, доме для лагерного персонала. Вспомнила, что в лагере сидела Титова Вера, москвичка с улицы Неглинной, жена «врага народа», умершего в лагерях, отличная швея. Освободилась.

По поселку ходили расконвоированные заключенные, но было очень спокойно, дома на замки не запирали, приставляли метлу к двери. Книги по истории, по школьной программе для 10 класса, Тамаре Иосифовне где-то доставал заключенный Смирнов Игорь. Он работал на речном катере. Было много политических. Работавшим на складах около пристани под охраной заключенным местные женщины бросали махорку, заключенные бросали женщинам хлеб, похожий на глину, с приколотыми довесочками. В лагерном клубе были концерты. В лагере было много политических. В годы ВОВ на аэродроме стояли зенитки.

Оборонный пункт 178, подразделение Ягринлага (около Васьково)

История строительства аэропорта Васьково в документах из фондов ОДСПИ ГААО, материалы предоставлены Галиной Шавериной

Постановление бюро обкома ВКП(б) и суженного исполкома областного Совета депутатов трудящихся от 2 апреля 1941 года

Протокол № 66 от 2 апреля 1941 года «О строительстве объекта № 178»

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 34 марта 1941 года о строительстве объекта № 178, бюро обкома ВКП(б) и суженный исполком областного Совета депутатов трудящихся ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Командировать в распоряжение Уполномоченного НКВД СССР из числа инженерно-технических работников областных и городских контор следующих товарищей: (в списке 21 чел. инженеров, проектировщиков, геодезистов, техников, главный бухгалтер, заведующий сметной группой и др.). Из них 6 человек освободить от работы и направить в суточный срок, остальных в течение 4-х суток.

Секретарь обкома

Латунов

Председатель исполкома

Огарков

Постановление бюро Архангельского обкома ВКП(б) от 11 июня 1941 года

«О командировке инженерно-технических работников на строительство объекта № 178»

Протокол № 83 от 11 июня 1941 года

В 2-х дневный срок освободить от работы и командировать в распоряжение уполномоченного НКВД СССР (в списке 17 человек инженерно-технических работников областных и городских контор: десятники, бухгалтеры, экономисты-плановики, прорабы, инженеры, нормировщики, техники-строители, механик автодела).

Постановление бюро Архангельского обкома и исполкома областного Совета депутатов трудящихся от 5 июня 1941 года.

Протокол № 80 от 5 июня 1941 года

Строго секретно

«О введении платной трудовой повинности на строительстве объекта № 178»

На основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 марта 1941 года для строительства объекта № 178 ввести платную трудовую и гужевую повинность с 20 июня до 15 октября 1941 года в нижеследующих районах области.

Всего 300 человек и 300 лошадей с упряжью и повозками (далее указаны территории и количество человек и лошадей: г. Архангельск 35 и 35, далее Холмогорский, Каргопольский, Емецкий, Черевковский, Верхне - Тоемский, Плесецкий, Красноборский, Коношский и Приморский районы) колхозников и единоличников. Секретари райкомов обязаны представить на ст. Исакогорка трудоспособных мужчин и хорошую тягловую силу с исправными телегами и упряжью. Обязать начальника строительства объекта № 178 тов. Нутельс обеспечить прием, организовать питание и общежитие, обеспечить фуражем (за плату) и т.д.

Постановление бюро обкома и исполкома от 2 августа 1941 года

«О строительстве оборонного объекта № 178»

На основании Постановления ГКО от 15 июля 1941 года и Постановления ВА АВО от 1 августа 1941 года за № 00111, бюро обкома и Исполнительный комитет

Постановляют

Обязать Северолес и Архангельскую контору Главлесосбыта до 1 сентября 1941 года изготовить на заводах Архангельска 15 000 куб. метров 4-х кантового бруса сечения 12 на 12 см., погрузить и сдать начальнику оборонного строительства № 178.

Им же до 20 августа изготовить на своих предприятиях, из своих материалов кованных гвоздей в тоннах (в общей сложности 240 тонн)

Предложить председателям Архгорсовета и Приморского райсовета в 3-х дневный срок отвести сенокосные угодья на 150 тонн сена (100 тонн Приморский район, 50 тонн Архгорсовет) для обеспечения конского состава, занятого на строительстве, в районе расположения строительства объекта № 178.

Секр. Арх. обкома члену военного совета

НКВД Упр.

Ягринского лагеря 8 июля 1941 года

АВО Огородникову

Согласно личного указания командующего АВО освободившихся из под стражи по отбытию срока наказания заключенных призывных возрастов передаются в распоряжение Молотовского горвоенкомата, который из этого состава укомплектует 595-й батальон, работающий на строительстве 178 объекта.

На 7 июля 1941 года передано в 595 батальон 191 человек. Всего до 1 августа 1941 года предполагается из числа освободившихся передать до 1 000 человек.

В связи с тем, что это мероприятие до сего времени не оформлено, прошу Вашего указания об оформлении приказом по штабу АВО и о принятии передаваемых людей на вещевое и продовольственное снабжение.

Нач-к стр-ва 203 и Ягринлага бригаинженер

Кронов

Чернилами от руки пометка – 600 человек осужденных к/р Г.Ш.

Секр. Арх. обкома члену военного совета

НКВД Упр. Стр. 203 Ягринского лагеря 8 июля 1941 года

АВО Огородникову

Согласно личного указания командующего АВО освободившихся из под стражи по отбытию срока наказания заключенных призывных возрастов передаются в распоряжение Молотовского горвоенкомата, который из этого состава укомплектует 595-й батальон, работающий на строительстве 178 объекта.

На 7 июля 1941 года передано в 595 батальон 191 человек. Всего до 1 августа 1941 года предполагено из числа освободившихся передать до 1 000 человек.

В связи с тем, что это мероприятие до сего времени не оформлено, прошу Вашего указания об оформлении приказом по штабу АВО и о принятии передаваемых людей на вещевое и продовольственное снабжение.

Нач-к стр-ва 203 и Ягринлага бригаинженер

Кронов

Чернилами от руки пометка – 600 человек осужденных к/р Г.Ш.

Секретарю обкома, члену ВС АВО Огородниковау

На строительстве объекта 178 по распоряжению НКО работает три строительных батальона, из которых два прибыли из вне области и один сформирован архангельским облвоенкоматом из числа военнообязанных мобилизационных возрастов. Личный состав батальонов при формировании получил обмундирование 2-й категории - бывшее в употреблении с большим процентом износа. В настоящее время после того, как батальоны на объекте больше месяца и преимущественно на земляных работах, годность обмундирования к носке определяется:

1. Годных для носки брюк осталось 30 %
2. Гимнастерок 44 %
3. Нижнего белья 68 %
4. – шинелей 80 %

... это ограничивает работу бойцов, ежедневно увеличивается невыход на работу, имеют место явно нездоровые настроения. Нет ясности, кто должен обеспечивать. ... якобы по указанию наркома НКВД Берия вещевое и продовольственное снабжение за счет военного округа, а в интендантском управлении округа имеется разъяснение, что округ обязан обеспечивать только продовольствием, а вещевое довольствие по линии строительства.

... в составе батальонов имеются лица только что отбывшие наказание в лагерях. Работать командному составу небезопасно, но не разрешен вопрос о вооружении командного состава личным оружием.

Зав. военным отделом Арх. обкома Парфенов (без даты Г.Ш.)

НКВД СССР, 3-е отделение

Секретарю обкома

1-го отделения авиабригады

17 июля 1941 г., г. Архангельск

Спецсообщение о строительстве аэродрома на Исакогорке

Строительство аэропорта на Исакогорке (объект 178), возложенное на начальника строительства 203 Кронова и проводимое силами 3-х строительных батальонов в количестве до 4 000 бойцов, заключенными Ягринлага -1500 человек и 300-мя колхозниками в порядке трудгужповинности, находится под угрозой срыва, что видно из ниже приводимых фактов...

... не используются на полную мощность стройхозагрегаты «...»

В итоге работы, которые должны производиться механизированным путем, производятся вручную и т.к. грунт исключительно плотный, то производительность труда низкая, а отсюда колоссальные затраты рабочей силы и замедление подготовительных работ. Отсутствуют инструменты в достаточном количестве, а имеющиеся обезличены и преждевременно выходят из строя.

Техническое руководство на стройплощадке слабое, нет правильной расстановки рабочей силы и организации труда. На одни и те же работы в одинаковых условиях, но на разных прорабских участках применяются различные нормы выработки. Бойцы не инструктируются по технике безопасности, имели место аварии с человеческими жертвами.

Бытовое положение бойцов 583, 584, и 585 батальонов находится по вине начальника строительства Кронова в исключительно тяжелых условиях. До сего времени бойцы не имеют бани, ... следствием имеет вшивость и кожные гнойничковые заболевания в большом размере (вшивостью поражены не менее 10 %) ... не организованы прачечная и дезкамера. Медицинского лазарета батальоны не имеют. Нет сушилки ... бойцы, работая в болоте, в воде, придя с работы, не имеют возможности произвести обсушку одежды и обуви, и следствием этого большое количество больных.

Бойцы 565 батальона спят на голых нарах после 12 часового рабочего дня, а порою и 14 часового рабочего дня ... Тов. Кронов отказал в выдаче стружки для набивки матрацев. Бойцы не имеют накомарников и рукавиц.

Низка калорийность пищи, мясо бывает очень редко, хлеб недоброкачественный. Получают 800 граммов, не хватает, продажа хлеба не разрешена.

Портновские мастерские не организованы, большая часть бойцов представляют собой оборвавшихся, одетых в лохмотья людей «...».

Территория расположения батальонов в антисанитарном состоянии, в чем виноваты командиры батальонов.

Отсутствуют воинская и трудовая дисциплина. Командный и политический состав батальонов редко бывает на производстве, отсиживаются и отсыпаются в палатках.

Оружия нет даже для караульной службы, охраны гауптвахт, материальных складов, даже у командного состава нет «...».

Начальник 3 отдела АВО подполковник Кучеренко

Нач-к 3-го отделения авиабазирования лейтен. Госбезоп. Стрижевский

СССР НКВД Г.У.А.С.

Секр. обкома Огородников

Объект № 178 4 авг. 1941 г.

Строящаяся площадка объекта 178 расположена в лесистой незаселенной местности. Ближними путями сообщения являются участок железной дороги ст. Исакогорка - г. Молотовск (разъезд 8-й км Васьково).

Проектно-сметные работы строительства выполняет Ленинградская контора «Ленвоенпроект». Основной базой снабжения стройплощадки оборудованием, транспортными средствами, стройматериалами и строймеханизмами являются строительство 203 и ГУАС НКВД, выделяющий фонды в централизованном порядке.

Подготовительные работы по объекту № 178 начаты 10 мая 1941 года. Основные работы по ВПП (взлетно – посадочная полоса) производятся с 5 июня 1941 года. Состояние работ на 1 августа с.г. характеризуется следующими основными объемами работ, выполненными на площадке:

1. Вырублено леса – 185,2 га
2. Выкорчевано пней – 181,0 га
3. Снято растительного слоя – 110 635 куб. метров
4. Произведено земляных работ (выемка и насыпь) – 203 475 куб. метров
5. Вынуто корыто под ВВП – 110 150 куб. метр.
6. Произведено планировки – 130 000 метров кв.
7. Произведена укатка земляного основания моторным и мотокатками – 110 000 м. кв
8. Устроено дренажей под ВПП – 31 543 погонных метра
9. Устроено грунтощебеночных покрытий слоем 20 см. – 60 000 м. кв
10. Устроено ливневой канализации – 3 294 пог. м
11. Устроено смотровых и дождеприемных колодцев - 62 шт.
12. Устроено экранных дренажей с ук-кой труб и устройством фильтров – 2 650 пог. м
13. Прорыто нагорных канав – 16 000 пог. м
14. Построена сланевая дорога из 12-см. бруса с устройством кюветов протяжением 7 400 п.м.,
связывающую станцию назначения грузов для объекта с аэродромом, жилым поселком и бомбохранилищем
15. Выстроен городок для вольнонаемных сотрудников с площадью построек, имеющих коммунально-бытовые и служебные здания – 2 430 м. кв
16. Построен городок для колхозников с площадью построек – 1 384 кв. м

17. Построен городок для строительных батальонов с площадью построек, включая палатки – 8 437 кв. м
18. Построен лагерь для заключенных со служащими и вспомогательными постройками – 4 331 м. кв.
19. Построено железнодорожных тупиков и разъездов нормальной колеи – 1 800 пог. м
20. Разгрузочных площадок с брусчатым настилом – 5 800 м. кв.
21. Построено конюшен каркасных – 2 000 м. кв.
22. Постр. складских помещений – 2 400 м. кв
23. Уложен временный водопровод – 6 000 п. м
24. Устроено зданий мастерских – 810 м. кв.
25. здание конторы – 613 м. кв.
26. Телефонная линия, соединяющая площадку строительства с объектами работ, а так же с г. Архангельском и Молотовском с коммутаторами на 60 точек общей протяженностью – 34 км
27. Дорог грунтовых улучшенных – 7 235 м. кв.
28. Тротуаров деревянных – 1 535 м. кв.
29. Временных зданий для производства работ – 1 480 м. кв.
30. Временная насосная станция
31. Электростанция на 15 квт
32. Добыто инертных в местном карьере объекта при помощи экскаватора ППГ с отвозкой на автомобилях – 43 000 м. куб.

Строительные механизмы установлены на разгрузочных площадках сыпучих материалов.

«...» обеспеченность рабочей силой составляет 80 %.

Наличие рабсилы на 1 августа 1941 года по списочному составу – 4 773 человека, в том числе: в стройбатальонах – 3047, колхозников – 256, вольнонаемных – 16, заключенных – 1454.

... обеспеченность автогужевым транспортом составляет 85%.

Наличие транспорта на 1 августа 1941 года:

Автомашин грузовых – 89

Лошадей собственных – 147

Лошадей по трудучастию – 256 «...»

Поступление проектов происходило несвоевременно, в несистематизированном порядке и некомплектно.

... обнаруживалось несоответствие между отдельными частями и проектами и ряд ошибок, которые выправлялись по ходу строительства, ... что задерживало развертывание строительства в плановом объеме. ... строительство было лишено возможности вести ряд параллельных работ по отдельным сооружениям «...».

Задача, поставленная НКВД СССР по работам первой очереди ВПП СВ 22 градуса 25 коллективом 178 объекта, в основном выполнена.

Произведенные посадки самолетов на полосу 28 и 30 июля 1941 года показали пригодность полосы для дальнейшей эксплуатации.

... приняты необходимые меры по форсированию работ на второй ВПП и обеим РД (рулевы дорожки) с расчетом окончания в установленный срок.

Начальник стр-ва 203 объекта 178 и Ягринлага НКВД, бригадный инженер – Кронов
Промотделу Архрнгельского обкома

НКВД СССР ГУАС объект 178

9 октября 1941 г. № 200/с

В целях окончания 2-й очереди аэродрома строительству № 178 НКВД крайне необходим 4-х кантовый брус. Отсутствие такового лишает возможности продолжать работу на стройке. Просим воздействовать на трест «Северолес» о распиловке 4-х кантового бруса 12 на 12 в количестве 5 000 куб. метров не позднее 15 октября 1941 года.

И. о. зам. начальника строит-ва
и гл. инженер объекта 178

Секретарь парт. Орг. Объекта 178
Махин Стасюк

Расчет потребности рабсилы и гужтранспорта для расчистки аэродрома от снега для полетов на колесах зимой 1942 – 43 годов по Арх. обл. Основание решение ГКО № 2286 с/с от 11 сентября 1942 года.

Васьково: человек – 1636, лошадей – 100.

Из письма управления строительства 203 секретарю обкома от 11 августа 1942 года

Аэропорт 178. Производится работа по выторфовыванию летного поля и окончанию деревянных рулежных дорожек. Положение со строительством аэродрома исключительно напряженное. Хотя строительству удалось в течение июня довести списочное число з/к до 1 170 чел и 40 чел. вольнонаемных, но это количество явно недостаточно и составляет 56 % к необходимому. Работа производилась исключительно вручную, т.к. ни бензина, ни лигроина строительство не имело и лишь 22 июня с приходом одной цистерны бензина по фондам ГУАС с добавлением керосина из запасов строительства удалось пустить первые тракторы с грейферезами и лопатами Беккера.

Лошадей имеется 167 голов, что составляет 70 % от потребности «...».

Необходимо немедленно увеличить количество рабсилы и лошадей, а также обеспечить беспрерывное снабжение горючим. Строймеханизмами объект обеспечен, кроме автогужтранспорта.

Из письма управления строит-ва 203 и Ягринского лагеря секретарю обкома от 3 ноября 1942 года:

IV. Аэропорт № 178

Основные работы по программе 1942 года закончены, остались лишь отдельные доделки. Объект 3 ноября предьявляется к сдаче.

Глинники (отделение Ягринлага)

Структура лагеря время от времени менялась. Глинники одно время были 5-м отделением Ягринлага.

Из отчета Ягринлага от 29 декабря 1937 года: за истекший период 1937 года реконструирован кирпичный завод в Глинниках с расчетной мощностью 700 тысяч штук кирпича в месяц.

ВОХРы на 1 сент. 1938 в Глинниках - 9 чел, охраняемых з/к 206 человек.

На заседании бюро райкома партии в Молотовске 10 сентября 1938 года (*стройка полностью перешла в ведение НКВД с 1 августа 1938 года, происходит массовое увольнение вольнонаемных рабочих*) выступающий Шигов говорит, что на Кирпичстрое начальник отдает приказы об увольнении рабочих, что через неделю у нас осталось около 30 человек. Прислали заключенных. На мелкие группы их разбить невозможно, они работают группами по 25 человек, работа из-за этого стоит, а по плану нужно кончать корпус.

1939 год. Из докладной записки начальника строительства.

Кирпичный завод рассчитан на 42 млн. кирпича в год. В 1939 году требуется строительству 35 млн. штук. Пуск кирпичного завода задержался. На январь 1939 года техническая готовность 48%, не разработаны методы добычи глины, нет проекта дренажа промплощадки, не решен вопрос с транспортировкой кирпича с прекращением навигации. Шоссе и ж/д ветка отсутствуют.

Из докладной записки о состоянии лагеря за июль 1939 года: на лагучастке Кирпичстроя, состоящей из 350 человек насчитывается больных цингой почти 100%. Из указанного количества имеется 30 человек слабосильных, а 65 человек получают по 300-400 граммов хлеба, которые уже истощены и фактически так же считаются слабосильными. Кроме этого имеется 53 человека больных желудочными заболеваниями и освобожденных от работы.

О материально-бытовом обслуживании лагерного населения из докладной записки секретарю обкома по состоянию на 25 января 1939 года

Весьма недопустимым является состояние материально-бытового обеспечения лагерного населения. Нужно прямо сказать, что в этом вопросе лагерная администрация совершенно бездействует, самые элементарные правила по части соблюдения санминимума игнорируются, что приводит к распространению вшивости и разных эпидемических заболеваний. Жилые бараки на большинстве участков не утеплены, содержатся грязно, сушилки отсутствуют...

На ряде участков заключенные живут в летних палатках, на одном только 40-м километре (Васьково) и 5-м железнодорожном участке 2600 заключенных живут в палатках. Бани отсутствуют или бездействуют. В результате вшивость на участках Солза, Глинники, 5-й участок поголовная.

Лагерю в целом не выделяется необходимое количество продуктов питания. Так мяса отпущено 80 тонн вместо необходимых 276 (28,9 %), рыбы 400 тон из 536 (72 %), животных жиров 13 из необходимых 43 тонн (30,2 %).

Результаты поездки в Глинники

1 июля 2014 г. Шаверина Г.В. и Крылова Т.Б.

Цель поездки – встретиться со старожилами, помнящими 5-е отделение Ягринлага, посмотреть развалины кирпичного завода, выяснить место расположения жилой зоны лагеря. В

д. Глинники встретились с несколькими старожилами. Давыденко Тамара Николаевна, 1934 г.р., родилась в деревне Глинники (Задвинье), отец пропал без вести на фронте, мама с двумя детьми бедствовала. В 1950 году на семью наложили штраф 300 рублей за то, что включили лампочку в 300 ватт и не отдали ее по требованию проверяющих. Тамара не пошла в 8-й класс, устроилась работать на кирпичный завод, чтобы заработать деньги на уплату штрафа. Это произошло в 1950 году. Работала мотористкой, контролировала работу моторов, обеспечивающих сушку кирпичей. В лагере оставались только женщины и электрик Володя, мужчин увезли в Молотовск. У всех женщин были мужья заключенные, женщины скучали после перемещения мужей в Молотовск. Тамара помнит молодых женщин – заключенных Свету и Клаву на выгрузке просушенного кирпича из печи, Клаву и на загрузке кирпича в печи для просушки (вкатывали кирпич и выкатывали на тележках). Бригадиром была Светлана. Постарше других помнит Шуру москвичку. Со слов женщин сроки они получили за недоедание хлеба, недолив пива, разведенное пиво и т.п.

Одеты были в фуфайки, юбки, ботинки.

Смены на заводе были с 8 часов до 16, с 16 до 24 и с 24 до 8 часов.

У заключенных обед с 12 до 13, обед им привозили из лагеря. Женщины - заключенные во время обеда пели песни, пели очень хорошо. Исполняли песни «Белое платье», «Молодой джиган», «Гуляй моя детка», «Огни притона».

Заключенные женщины жалели вольных девочек подростков. Шура обстирывала двоих мальчиков электриков, бывших воспитанников детского дома Севастьянова Сережу и Мишу. Сережа всегда ходил чумазый, Шура говорила: «Сережа, пойдем я тебе лицо умою».

Жилая зона для заключенных была на территории нынешнего поселка Кирпичстрой, четыре одноэтажных барака располагались на месте нынешнего дома №26 и прилегающей территории, зона была ограждена колючей проволокой, по углам вышки с охранниками. Зимой вышки стояли и на льду реки.

В зоне женщинам показывали кино.

Местное население нанималось в охрану, и женщины, и мужчины. Им выдавали паек, некоторые делились полученными продуктами с Тамариной мамой. На работу женщин водили колонной под вооруженной охраной. Опоздавших на построение при выводе на работу охранники избивали, женщины тоже были недовольны, пинали провинившихся. Местное население не пропускали ходить берегом мимо зоны, зимой обходили зону по льду, летом – через лес около карьеров. В лагерьном ларьке в продаже были продукты, которых не было в деревенском магазине (изюм, рис и др.) Продавали там и трикотаж. Местное население просило заключенных купить им продукты. Тамара однажды дала 25 рублей заключенной с просьбой купить продукты. Женщина продуктов не купила и денег не возвращала. Тогда Тамара пожаловалась Шуре. Та сумела взять Тамарины деньги и купила продукты. Впредь Тамара заказывала продукты только через Шуру.

Однажды Тамара в ночную смену прилегла на фуфайки, з/к сказали, что предупредят ее при появлении начальства. Но появление начальства просмотрели. Тамара, услышав, что идет начальство, отвернулась к стене. Но начальник сказал «что с ребенка возьмешь». В другой раз Тамара прилегла на полке, положив под голову кирпич. Местная женщина спихнула Тамару с полки, а женщины заключенные на нее закричали, мол своих детей нет, так и чужих не жалеешь.

Вольные брали у заключенных письма и отправляли по почте. Позднее Тамара встретила одну из бывших заключенных в Цигломенской больнице, попросили спеть ей песню «Белое платье», женщина спела. Она рассказала, что в лагерь попала за воровство, мать умерла, отец был арестован, голодала. Отца однажды увидела в лагере в Молотовске, потянула к нему руки, но охрана ее отшвырнула, а отца ударили прикладом. Мама однажды видела в Молотовске колонну немецких военнопленных, рыжие высокие, худые, еле брели.

После закрытия лагеря на заводе работали военнослужащие (стройбат), позднее – набранные по оргнабору. Тамара в 1952 году уехала в г. Советск учиться на киномеханика. Все последующие годы работала киномехаником на Кирпичстрое.

Кирпичный завод тоже был огорожен колючей проволокой, стояла вооруженная охрана, было две проходных: со стороны деревни и со стороны поселка.

Лидия Николаевна, наблюдала в детстве изготовление кирпича заключенными. Завод был огражден колючей проволокой, стояли вооруженные охранники с собаками. Глину в карьере грузили в вагонетки лопатами, вагонетки по рельсам катили на завод. Позднее стали грузить экскаватором. Сырой кирпич для просушки помещали под огромные навесы – шатры. Жилая зона была около поселка, там сейчас жилые дома. Иногда охрана пропускала деревенских жителей по пути в Цигломень через территорию завода.

Рикасиха (подразделение Ягринлага)

Подкомандировки второго тотделения были в Глинниках и Рикасихе. На 29 апреля 1948 года в отделении содержались 3311 заключенных. Из них 324 (124 м. и 200 ж.) – в Глинниках. В Глинниках заключенные вырабатывали кирпич, зона была ограждена колючей проволокой.

Мельник, Т. Ф. Ягринский ИТЛ в Молотовске / Т. Ф. Мельник // Каторга и ссылка на Севере России: сб. ст. –

Архангельск: Кира, 2006. – Т. 2. – С. 216-244.

Военизированная охрана на 1 сентября 1938

Рикасиха и Лайский ДОК

Стрелков з/к 9

ВОХР 47

Служебных собак 1

Охраняемых з/к 772

Результаты поездки в Рикасиху 29 июня 2016 года

Ездили Ш.Г. и Крылова Т.Б.

Встречались с жителями Рикасихи: Арбузовой Людмилой Васильевной, 1940 г.р., Панфиловой Ниной Яковлевной, 1940 г.р., Ниной Ивановной, 1937 г.р., Орловым Виктором Павловичем, 1929 г.р.

Нам показали въездную дорогу на территорию деревни и лагеря. Там стояли въездные ворота, у которых постоянно находились два вооруженных бойца ВОХРы. Рядом было строение для охранников (по левую сторону от въездной дороги).

Показали место расположения здания для персонала и жилых бараков для заключенных (ничего не сохранилось).

Рассказали о месте нахождения кирпичного завода и месте захоронения умерших. Надо туда выехать в будущем.

Заключенные строили дорогу на Архангельск, в Лайский Док, разгружали с барж оборудование для строящегося завода № 402 (там, у пристани, тоже были лагерные бараки), делали кирпич, черепицу и глиняную посуду. Во время строительства дороги на Лаю погибало много заключенных, их хоронили тут же в болоте. Кладбище (основное) располагалось по левую сторону дороги на ст. Рикасиха в 100 метрах от воинской части. Кирпичный завод – по правую сторону той же дороги примерно в 1 км от развилки.

Рассказчицы помнят исхудалых в оборванной одежде военного покроя заключенных, которые собирали крапиву. Нина Яковлевна рассказала, как заключенный перешагнул ограду около их дома, чтобы нарвать крапивы. Мама застучала в окно и запретила брать крапиву, т.к. они сами использовали крапиву в пищу. Заключенный удалился. Виктор Павлович в школьные годы общался с заключенными, «хорошие ребята», так он вспоминает их сейчас. Имен вспомнить уже не может.

На 5-м километре располагалось лагерное отделение, окруженное забором с вышками. Заключенные строили дорогу на Архангельск.

Дед Людмилы Васильевны рассказывал, что рукав Северной Двины у деревни Рикасиха был не широкий, «хомут можно было перебросить».

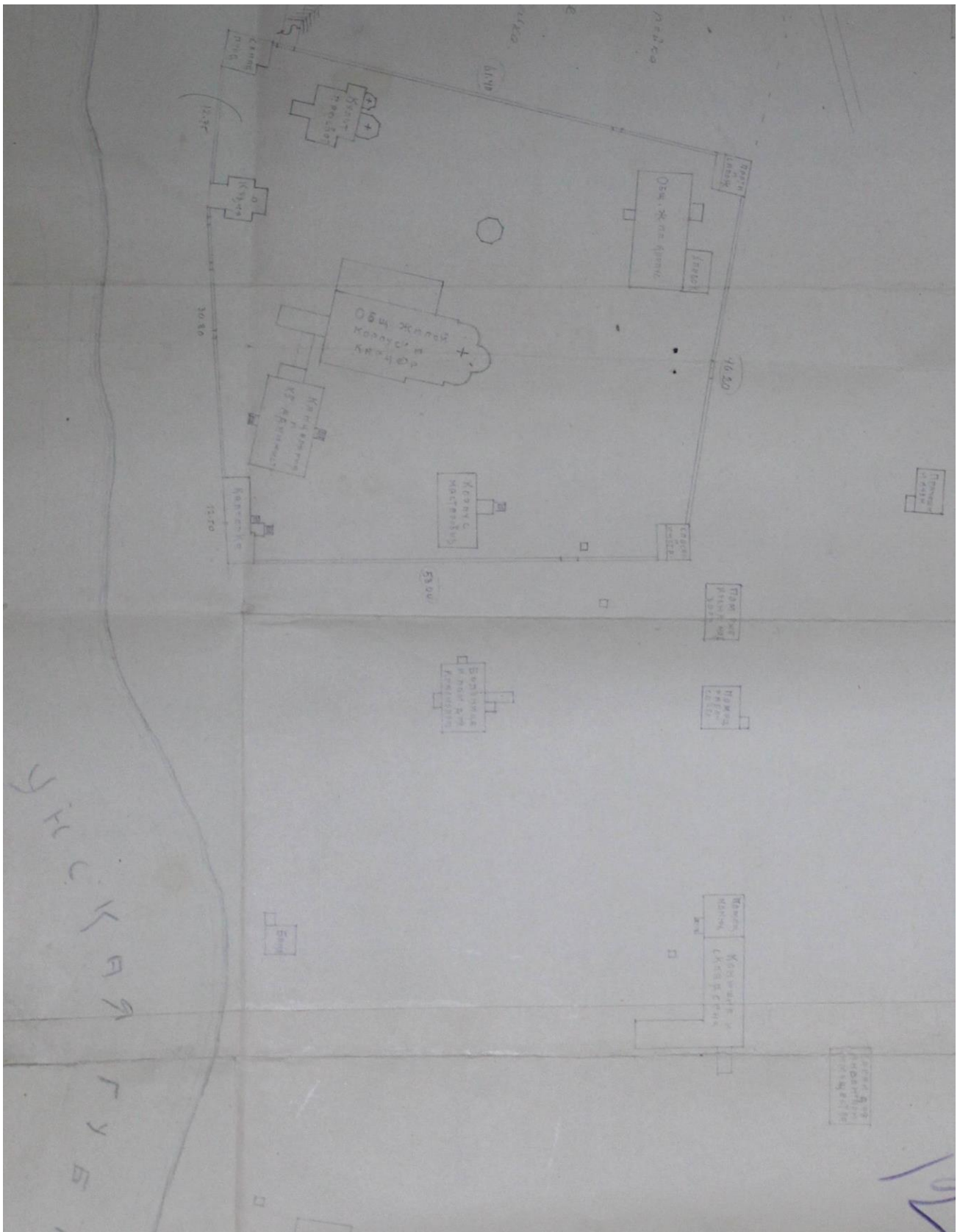
Вера Архиповна Аганина

В 1938 году мы приехали из Рикасихи в Северодвинск. Отцу выделили комнату (Лесная 20). В Рикасихе отец работал дорожным мастером, занимался строительством дороги в Северодвинск, ведь строить автодорогу в Северодвинске начинали в 1938 году континентом заключенных.

Онежский полуостров. Научные работы

Вид Пертоминского монастыря. 1886г. Альбом «Монастыри Архангельской Епархии. Фотографии 1884–1888 годов». Архангельский областной краеведческий музей.

План расположения учреждений Пертоинского исправительно-трудового лагеря на территории Пертоминского Спаси-Преображенского мужского монастыря. 1922 г. Северное управление Гидрометслужбы. Отдел Гидрометфонда (Архангельск). Оп. 38. Инв. № 8667. Л. 12.

Вид на строения Пертоминского монастыря. 1974 г.
Электронный архив Кенозерского национального парка.

Харитоновна Я.Э.,
старший научный сотрудник
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

Северный (Арктический) федеральный университет,
Высшая школа социально-гуманитарных наук
и международной коммуникации,
кафедра Отечественной истории,
г. Архангельск, магистрант

История Пертоминского Спасо-Преображенского мужского монастыря по архивным документам

Документы архивных фондов, образовавшихся в процессе деятельности отдельных учреждений, являются незаменимым источником исторического и культурного наследия каждой страны. В настоящее время актуальным становится изучение архивов Русской Православной Церкви, так как именно из церковных архивов происходит большая часть документальных источников по истории России.

Интерес исследователей к документам церковных и, в частности, монастырских архивных собраний нашей страны всегда был высок¹. Однако на региональном уровне документальные материалы по истории монастырей изучены недостаточно.

Пертоминский Спасо-Преображенский монастырь, возникший в начале XVII в. в устье Унской губы Белого моря, привлекал внимания исследователей. Отдельные страницы дореволюционной истории Пертоминской обители – историко-статистические описания монастыря, деятельность настоятелей, создание архитектурного ансамбля, анализ монастырских описей – освещались в исследованиях, использовавших исключительно материалы монастырского архива². Вместе с тем целый ряд архивных документов об истории монастыря в первой трети XX в., находящихся в различных фондах Государственного архива Архангельской области, исследователями еще не привлекался.

В настоящей статье предпринята попытка проследить историю Пертоминского монастыря с XVII в. до 1930-х гг., основываясь на документах, отложившихся в нескольких фондах Государственного архива Архангельской области.

История Пертоминского монастыря берет начало в 1566 г., когда два соловецких инока, Вассиан и Иона, возвращаясь по морю из Архангельска, погибли во время шторма в Унской губе Белого моря. Их тела были выброшены на берег. Над останками иноков местные жители первоначально поставили крест, а в 1599 г. – часовню³. Возле часовни в 1617 г. несколько монахов устроили кельи. В 1618 г. был возведен, а в 1623 г. освящен первый монастырский Спасо-Преображенский храм, а в 1637 г. – второй храм в честь Успения Пресвятой Богородицы⁴. В 1655–1675 гг. Пертоминский монастырь был приписан к Онежскому Крестному монастырю. В 1764 г. пустынь была упразднена. В 1778 г. Пертоминский монастырь вновь возродили, сделав его заштатным. В 1861 г. по просьбе братии в монастыре ввели общежительный устав и переименовали обитель в Пертоминский общежительный монастырь.

Пертоминский монастырский архив, содержащий значительное количество исторических документов XVI – начала XX вв., после закрытия монастыря в 1920 г. некоторое время оставался на территории обители. За время существования Пертоминского исправительно-трудового лагеря (1920–1923) большинство грамот XVII в. были безвозвратно утеряны, их использовали «на выделку» игральные карты, «которых отбиралось у содержащихся в лагере до 60 колод ежедневно»⁵. Кроме того, некоторые документы перешли в частную собственность, «будучи взяты или лицами, содержащимися в лагере, или

же посещавшими монастырь по служебным надобностям»⁶. Так, заместитель председателя Архангельского губисполкома И.В. Боговой присвоил часть монастырских документов и использовал их для доказательства «церковного невежества» в компании по вскрытию мощей⁷.

Остатки монастырского архива в 1926 г. вывезли на Соловки. В Соловецком лагере особого назначения с 1924 г. действовало Соловецкое Общество краеведения (СОК), занимавшееся исследованием историко-культурного и природного наследия Соловков. Архив Пертоминского монастыря изучал член СОКа, бывший офицер Преображенского полка Александр Петрович Приклонский, получивший три года лагерного заключения. Результатом его работы стало описание рукописей Пертоминского архива, относящихся к XVII—XVIII вв.⁸

В октябре 1927 г. управление Центрального архива РСФСР приняло решение «оставить в ведении местных архивных органов архивные материалы Пертоминского монастыря, как имеющие местное, а не всероссийское значение»⁹. Уцелевшие документы Пертоминского архива были перевезены в Архангельск.

В настоящее время документы архива Пертоминского монастыря находятся в двух архивохранилищах – Государственном архиве Архангельской области (ГААО) и Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

В РГАДА, в фонде 1459, содержатся 7 документов Пертоминской обители, относящихся к 1647–1686 гг. Это приходно-расходные книги за 1682–1686 гг., отписи целовальников Луцкого и Ненокского усалий о сборе пошлин и отправке соли (1647), ставленная грамота Новгородского митрополита о назначении служащего иеромонаха в Пертоминский монастырь (1648).

Наибольший массив архивных материалов Пертоминского монастыря отложился в Государственном архиве Архангельской области. Дореволюционный период истории обители отражен в документах, хранящихся в фонде 60 (Пертоминский заштатный Спасо-Преображенский монастырь). Всего фонд содержит 261 дело, охватывающие период с 1620 по 1919 гг. Собрание дел фонда 60 разделено на четыре описи.

Первая опись включает в себя 109 единиц хранения, охватывающих период с 1620 по 1707 гг. Материалы описи можно разделить на три группы – договорно-законодательная документация, частные акты, документы, освещающие хозяйственную деятельность монастыря.

Договорно-законодательные документы представляют собой грамоты светского и церковного руководства – списки с жалованных грамот царей Михаила Федоровича, Иоанна и Петра Алексеевичей на земельные угодья и беспошлинное ведение торговли, ставленные грамоты монахов Пертоминского монастыря, выданные Новгородскими митрополитами и Холмогорским архиепископом Афанасием, памяти архиепископа Афанасия насельникам монастыря по вопросам духовной жизни, предписания священноначалия о строительстве новых монастырских церквей.

Частные акты представляют собой часть владельческой документации обители. Это данные, вкладные, купчие жителей близлежащих деревень (Луда, Уна), отписавших свое имущество монастырю, менные грамоты монастыря и «посадских людей Унского усолья».

Документы хозяйственной деятельности, отложившиеся в первой описи фонда 60, можно разделить на материалы, освещающие внутреннюю и внешнюю хозяйственную деятельность обители. В группу материалов о внешнем хозяйствовании входят «записки» о монастырских промыслах – слюдяном, соляном и Мурманском рыбном промысле. К этой группе можно отнести также межевые описи земельных владений монастыря, расписки о приеме Софийским Новгородским собором церковного сбора, книги отпуска казенных товаров служебников монастыря, торговавших в Керети и старцев монастырского усолья в д. Луда. В группу документов внутренней хозяйственной деятельности входят приходно-

расходные книги этого периода, описи монастырского имущества, доклад строителя монастыря монаха Флавиана и казначея монаха Варлаама с братиею об имущественном положении монастыря (1703 г.).

Особый интерес для изучения истории Пертоминской обители представляют документы, освещающие деятельность насельника монастыря Михаила Харзеева, управлявшего обителью с 1675 по 1690 гг. Документы, датированные 1675-1683 гг. называют Харзеева иеродиаконом, после 1683 г. его упоминают как иеромонаха.

Время управления Михаила Харзеева было периодом расцвета Пертоминского монастыря. Соловецкий пострижник, регент монастырского хора, Харзеев участвовал в Соловецком «сидении» 1667-1676 гг. и, не разделив мнения соловецкого священноначалия в отстаивании «правой» веры, был отправлен в 1671 г. в Сумский острог¹⁰. После выхода на свободу он сблизился с новгородским митрополитом Корнилием, который поставил его строителем Пертоминского монастыря. Благодаря тесным связям с царским домом и окружением царевны Софьи Алексеевны, фактически правившей после Стрелецкого бунта, Харзеев часто ездил в Москву, что подтверждают указы царей Иоанна и Петра Алексеевичей, предписывавшие способствовать ему в пути (1683 г.) и дающие право на выдачу денег на реконструкцию старых и строительство монастырских церквей¹¹ и ведения хозяйственной деятельности – покупки «дощаника для плавания до Холмогор»¹², принятия в монастырь различных лиц на жительство¹³, беспошлинную торговлю солью¹⁴.

Однако после падения в 1689 г. правительства царевны Софии, Харзеев бежал из Пертоминской обители, присвоив монастырскую кассу. После его поимки было проведено расследование. В фонде 60 хранится грамота архиепископа Холмогорского к новому настоятелю Пертоминского монастыря Лаврентию с приказом расследовать хищения Харзеева¹⁵. Михаила Харзеева обвинили в ряде должностных преступлений и сослали в Сибирь, где через некоторое время он был назначен митрополитом Тобольским Игнатием (Римским-Корсаковым) строителем Воскресенского монастыря¹⁶.

Документы, хранящиеся в первой описи фонда 60, дают представление о деятельности Михаила Харзеева как строителя Пертоминской обители. По его ходатайству монастырь, приписанный в 1655 г. патриархом Никоном к Крестному монастырю, вновь обрел самостоятельность, в 1675 г. удалось отстоять независимость и от Соловецкого монастыря, братия которого ходатайствовала к патриарху Иоакиму, прося приписать Пертоминскую обитель к Соловкам.

По инициативе Михаила Харзеева в Пертоминске проводилось масштабное строительство – в 1679 г. начали возводить каменную церковь Преображения Господня с приделом великомученика Федора Стратилата¹⁷, в 1683 г. инициирована постройка каменной церкви Успения Пресвятой Богородицы с трапезной, хлебной палатой и погребями. На строительство последней из государственной казны указами царей Иоанна и Петра Алексеевичей были выделены материалы и денежные средства.

Монастырская документация XVIII столетия содержится в третьей описи фонда 60. Опись включает в себя 69 единиц хранения, относящихся к 1710-1785 гг.

Значительный блок документов данной описи представляют собой нормативно-распорядительные материалы – указы Холмогорских архиереев о строительстве часовен на монастырских землях, о принятии в число братии новых членов, распоряжения о выполнении приказов Сената и Синода.

Документы вотчинно-хозяйственной тематики представлены платежными отписями целовальников и квитанциями Архангельской таможни о получении от монастыря различных сборов (банного, оброчного)¹⁸, а также приходно-расходными книгами обители за данный период и описями монастырского и церковного имущества, производившимися в связи со сменой монахов, занимавших должности ризничного и строителя¹⁹.

Документы по личному составу данного периода представлены указом Холмогорского архиерея о присылке сведений о монашествующих (1747), сведениями о наличии в обители отставных чинов (1753), ведомостями о составе братии (1755).

Документы монастыря, относящиеся к XIX – началу XX в., содержатся во второй и четвертой описях. Вторая опись включает в себя 60 единиц хранения, охватывающих период с 1872 по 1919 гг., четвертая опись содержит 23 единицы, относящиеся к 1819–1906 гг.

Материалы данных описей содержат нормативно-распорядительную и хозяйственную документацию, а также документы по личному составу. Последний корпус документов, возникший с началом государственного регулирования церковной жизни в начале XVIII в., содержит материалы по перемещению монашествующих – послужные списки братии и настоятелей. Последний послужной список насельников обители относится к 1919 г. Перед закрытием монастыря в нем проживало 20 человек братии, настоятелем был архимандрит Вадим²⁰.

Нормативно-распорядительная документация в данных описях представлена указами и предписаниями Архангельской духовной консистории, журналами для записей богослужений (1902, 1906, 1910-1911), перепиской с консисторией (1896) по поводу присоединения Пертоминской обители к Соловецкому монастырю²¹.

Вопросы хозяйственной деятельности обители в этот период отражены в приходно-расходных книгах, в документах, фиксирующих результаты морского и речного промыслов, описаниях монастырского и церковного имущества за 1846²² и 1906²³ гг., годовых отчетах и отчетах о состоянии монастыря.

Интересна группа документов, относящихся к вопросу строительства в монастыре на рубеже XIX–XX вв. Так, в 1897 г. настоятель обители выступил с предложением строительства пристани в Унской губе²⁴, а 1902 г. руководством монастыря была составлена пояснительная записка к проекту постройки монастырской гостиницы²⁵. Предполагаемое строительство вблизи уединенной обители можно объяснить тем, что данная область рассматривалась в этот период как место размещения курорта²⁶, для деятельности которого требовалось инфраструктурное обеспечение.

Для изучения истории монастыря представляют интерес документы, входящие в опись 4 фонда 60 и освещающие события, связанные с посещением императором Петром I Пертоминской обители. Во время второго приезда в Архангельск (1694) Петр I пожелал посетить Соловецкие острова. Попав во время плавания в шторм, император укрылся в Унском заливе недалеко от Пертоминского монастыря. В знак спасения Петр I поставил крест на месте своего выхода на берег. Через 200 лет после этого события, в 1893 г., настоятель Пертоминской обители игумен Полиевкт ходатайствовал о разрешении постройке храма на месте высадки императора²⁷.

Дореволюционный период истории Пертоминского монастыря отражены также в материалах о его хозяйственной деятельности, которые содержатся в фонде 115 (Архангельская палата государственных имуществ). Это переписка с казенными учреждениями по вопросам освоения монастырем двух участков казенной земли (1892)²⁸, использования земельного участка «под названием „Яренгский Рог“» (1908)²⁹ и отпуска монастырю леса «для строительных надобностей и отопления» (1914)³⁰. Данные документы интересны содержащимися в них картами земельных владений обители на период конца XIX – начала XX в.³¹

Послереволюционный период истории монастыря отражен в документах разных фондов ГААО.

В фонде 279 (Архангельский губернский комитет РКСМ) Государственного архива общественно-политических движений и формирований Архангельской области содержатся материалы о детской колонии, размещенной летом 1920 г. в стенах только что закрытой Пертоминской обители³².

В мае 1920 г. монастырь посетила особая комиссия Архгубчека с целью осмотра и инспекции. В ходе ревизии выяснилось, что для Губсовнархоза значительный интерес представляет сельскохозяйственная инфраструктура монастыря, а также его промыслы. Производственный потенциал обители позволил открыть Пертоминское советское хозяйство при Архгубчека (совхоз Пертоминский). Руководство совхоза состояло из заведующего, его заместителя, нарядчика по хозяйству, старшего конюха и старшей скотницы³³. Работниками совхоза стали жители близлежащих деревень, работавшие по найму.

Расположение монастыря в «одной из лучших местностей Беломорского побережья» и «здоровый местный климат» способствовали решению комиссии об организации при совхозе летней детской трудовой колонии на 200 «дефективных детей со всей Архангельской губернии»³⁴. Попытки открытия детских колоний в бывших монастырях предпринимались советской властью с целью борьбы с беспризорниками. Так, в Архангельской губернии колонии для детей и подростков, зарекомендовавших себя асоциальным поведением, были открыты в Соловецком и Николо-Карельском монастырях³⁵.

В Пертоминской колонии предполагалось содержать только мальчиков. Первую и единственную партию детей колония приняла в мае 1920 г. В течение летних месяцев выявилась непригодность бывшего монастыря для содержания колонистов – монастырские постройки были не рассчитаны на пребывание одновременно 200 человек, бытовые условия оставляли желать лучшего, трудовая занятость в совхозе была недостаточной³⁶. После августа 1920 г. работа детской колонии не возобновлялась.

Материалы об истории Пертоминского монастыря после закрытия детской колонии содержатся в фонде 105 (Архангельское губернское земельное управление).

До начала весны 1921 г. на территории бывшего Пертоминского монастыря действовал совхоз «Пертоминский» и организованная из жителей близлежащей деревни Красная Гора коммуна «Красное поле»³⁷. Сохранилась подробная опись хозяйства коммуны (монастырского наследия) – движимого и недвижимого имущества, мастерских, столярного и слесарного инструмента, сельскохозяйственного инвентаря, бывших монастырских служб (скотного и конного дворов)³⁸.

Удаленность бывшей обители от материка и ее обособленное расположения в Унской губе Белого моря позволили руководству Архгубчека принять решение об открытии в монастырских помещениях исправительно-трудового лагеря (ИТЛ). В марте 1921 г. руководство совхозом «Пертоминский» было передано представителю Архгубчека И.М. Бачулису³⁹, занимавшему до этого времени должность коменданта Холмогорского ИТЛ⁴⁰.

Первоначально в Пертоминский ИТЛ направляли уголовников. Однако вскоре к ним присоединили и «членов ”противосоветских” партий»⁴¹ – офицеров и солдат армий Деникина, Врангеля и Колчака, гражданских лиц с отвоєванных у белых территорий, бунтовавших кронштадтских матросов, участников антисоветских мятежей, несогласных с советской властью эсеров и меньшевиков⁴².

В Пертоминске, как и в других северных лагерях, сложилась практика привлечения арестантов к сельскохозяйственным работам⁴³. Наряду с работой в совхозе «Пертоминский», заключенные занимались ловом рыбы и плели сети, работали на лесозаготовках⁴⁴. В начале 1922 г. в лагере содержалось 123 человека⁴⁵.

Документы, отложившиеся в фонде 149 (Архангельский губернский суд) дают представление об организации лагеря. Территория внутри монастыря, где содержались заключенные, была обнесена колючей проволокой в 4 ряда. Красноармейцы, обеспечивающие охрану, жили в северо-западной угловой башне, которую от построек лагеря отделяли проволочные заграждения⁴⁶. В Успенском соборе располагались камеры и карцер, в храме в честь преп. Зосимы и Савватия Соловецких разместили культпросветчасть, в игуменском корпусе – мастерские. За монастырскими стенами находилась кухня, конюшня, больница и баня⁴⁷.

Пертоминский ИТЛ просуществовал до лета 1922 г., когда было принято решение об укрупнении советской пенитенциарной системы и депортации заключенных всех архангельских ИТЛ на Соловки. Транспортировка заключенных из Пертоминска началась в августе 1922 г.⁴⁸ и продолжалась до полной ликвидации лагеря в июле 1923 г.⁴⁹ Часть заключенных была этапирована на Соловецкие острова, часть расстреляна на Варакатском озере в окрестностях монастыря.

По данным материалов фонда 5132 (Ячейка ВКП(б) коммуны «Имени Сталина» Приморского района Северного края) Государственного архива общественно-политических движений и формирований Архангельской области (ГАОПДФ АО), управление совхозом «Пертоминский» вновь передали сельскохозяйственной коммуне, членами которой, наряду с крестьянами деревни Красная Гора, стали жители сел Уна и Луда⁵⁰.

Документы, отложившиеся в фондах 2176 (Приморский районный совет) и 4846 (Рыболовецкая коммуна имени Сталина Красногорского сельского совета) Государственного архива Архангельской области, дают представление об использовании бывшего Пертоминского монастыря на рубеже 1920–1930 гг. – в обители разместилась промысловая рыбо-звероловная артель «Коммуна имени Сталина»⁵¹.

На базе обители в этот период организовали также фильтрационный пункт для раскулаченных, высланных на Север из южных районов страны. Документы фонда 5123 ГАОПДФ АО повествуют о взаимоотношениях спецпереселенцев и коммунаров. Как отмечали члены коммуны, «культурное обслуживание спецпоселенцев было трудным из-за их принадлежности к разным национальностям»⁵² и разным культурам.

Можно предположить, что руками трудпоселенцев в 1930 г. было разобрано большинство каменных построек обители. Переписка между йодным отделом Архпроизводсоюза и Унским РИКом об использовании кирпичей ограды для строительства золотогоготовительных факторий на побережье Белого моря и школы в деревне Яреньга отражена в документах фонда 2176 ГААО⁵³. В материалах этого фонда содержится и информация о ломке печей Успенского собора и разборе самой церкви с целью использования кирпича для строительства находящегося неподалеку лесозавода⁵⁴.

В последующие годы оставшиеся постройки обители пришли в негодность и были также разобраны. В 1940-х гг. на территории монастыря образовался жилой поселок. В настоящее время от храмового ансамбля обители сохраняются лишь угловые постройки бывшей ограды – три башни и дом, в котором до сих пор размещается почта.

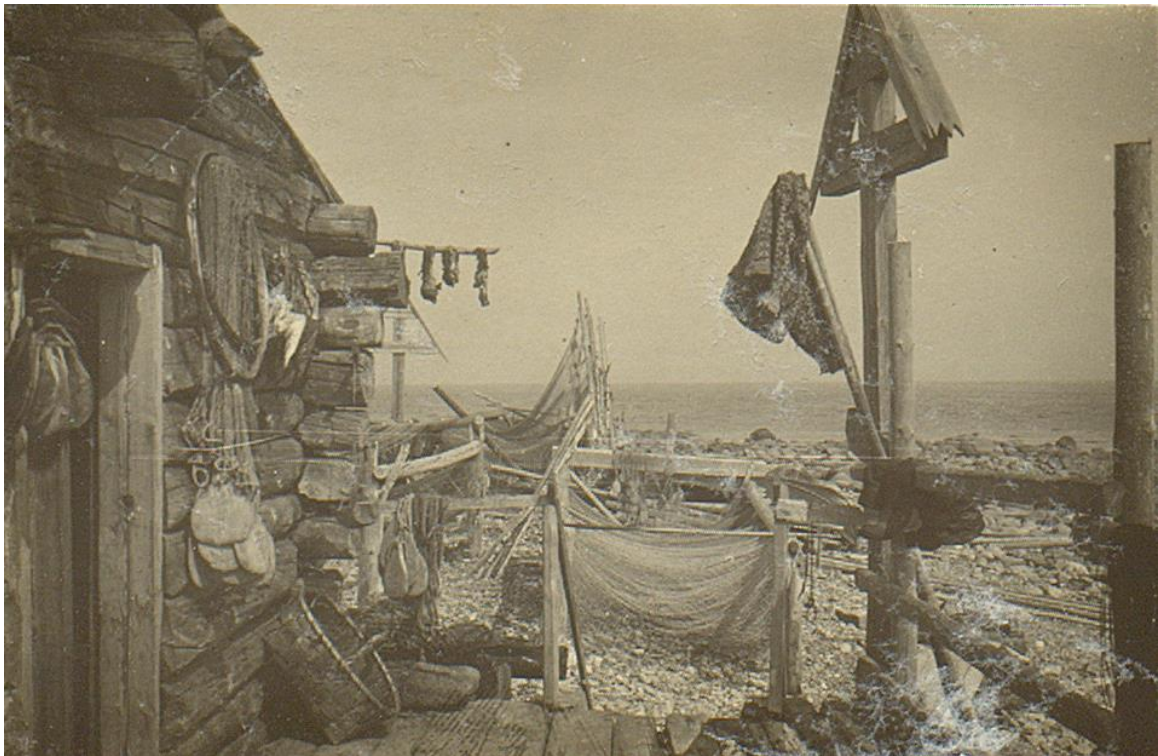
Таким образом, корпус архивных документов о Пертоминском Спасо-Преображенском монастыре, хранящихся в Государственном архиве Архангельской области, достаточно обширен. Их использование, несмотря на распыленность по различным фондам, позволяет точнее реконструировать события жизни обители. Архивные материалы монастыря являются также важным источником по истории местного региона – Архангельского Севера и позволяет более полно осветить роль как Русской Православной Церкви, так и северных православных монастырей, в общероссийской истории.

¹ См.: *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397-1625). СПб., 1897. Т.1. Вып.1; СПб., 1910. Т.1. Вып.2; *Греков Б.Д.* Отчет об осмотре архива Соловецкого монастыря // *Летопись занятий Археографической комиссии за 1923-1925 гг.* Л., 1926. Вып.33. С.82-85; *Веселовский С.Б.* Крепостной архив Троице-Сергиевой лавры // *Труды по источниковедению и истории России периода феодализма.* М., 1978. С.150-152.

² *Добровольский И.* Историко-статистическое описание Пертоминского монастыря. СПб., 1896; *Он же.* Пертоминский монастырь // *Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии.* Архангельск, 1902. С. 409–440; *Козлов Н.* Пертоминский монастырь // *Козлов Н.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Архангельская губерния. СПб., 1865; *Макарий* (Миролюбов Н.К.). Историко-статистическое описание Пертоминского мужского монастыря. Москва, 1882; *Кирилл* (Ф. Доброленский, архим. Пертоминского монастыря). Воспоминания о голоде на Севере России в 1868

- г. // Русская старина. 1888. Т. 57, № 1. С. 63–86; № 2. С. 409–432; *Легатов И.* Пертоминский монастырь в Архангельской епархии // Архангельские епархиальные ведомости. 1908. № 8. С. 248–254; *Приклонский А.* Пертоминский архив. Описание рукописей Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря, хранящихся в музее Соловецкого общества краеведения. XVII—XVIII вв. Соловки, 1927. *Седачева Е.* «Остаюсь ваш с молитвами»: из переписки настоятелей Соловецкого и Пертоминского монастыря // Соловецкое море: историко-литературный альманах. Архангельск – Москва, 2011. Вып. 10. С. 164–166; *Попова Л.Д.* К истории Пертоминского монастыря // История Отечества. Святые и святыни Русского Севера. Архангельск, 2006. С. 118–124; *Петров А.В.* Описи Пертоминского монастыря XVII–XVIII вв. как лингвистический источник // VI Ломоносовские чтения. Программа и тезисы научной конференции. Архангельск, 1994. С. 130–131.
- ³ *Добровольский И.* Пертоминский монастырь // Краткое историческое описание монастырей Архангельской епархии. Архангельск, 1902. С. 409; Монастыри Архангельской и Холмогорской епархии. Архангельск, 2017. С. 107.
- ⁴ *Добровольский И.* Указ.соч. С. 410.
- ⁵ ГААО. Ф. 692. Оп. 1. Д.13а. Л. 19; Монастыри Архангельской и Холмогорской епархии. Архангельск, 2017. С. 122.
- ⁶ Там же.
- ⁷ *Боговой И.В.* По Архангельской епархии. Пертоминский монастырь (Исторический очерк). Архангельск, 1923.
- ⁸ *Приклонский А.П.* Пертоминский архив. Описание рукописей Спасо-Преображенского Пертоминского монастыря, хранящихся в музее Соловецкого общества краеведения. XVII—XVIII вв. Соловецкое Общество краеведения. Вып. 15. Бюро печати УСЛОН. Соловки, 1927.
- ⁹ ГААО. Ф. 692. Оп. 1. Д. 40. Л. 31.
- ¹⁰ *Чумичева О.В.* Соловецкое восстание, 1667-1676. Новосибирск, 1998. С. 81, 116.
- ¹¹ ГААО. Ф.60. Оп.1. ДД. 10, 22, 29.
- ¹² ГААО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 23.
- ¹³ ГААО. Ф. 60. Оп. 1. ДД. 25, 26.
- ¹⁴ ГААО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 36.
- ¹⁵ ГААО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 64.
- ¹⁶ *Шашков А.Т.* К истории Воскресенского монастыря и церкви города Березова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2004. № 33. С. 194.
- ¹⁷ ГААО. Ф. 60. Оп. 1. Д. 13.
- ¹⁸ ГААО. Ф. 60. Оп. 3. ДД. 17, 18, 19, 20-23.
- ¹⁹ ГААО. Ф. 60. Оп. 3. ДД. 16, 26, 31, 50.
- ²⁰ ГААО. Ф. 60. Оп. 2. Д. 56.
- ²¹ ГААО. Ф. 60. Оп. 4. Д. 16.
- ²² ГААО. Ф. 60. Оп. 2. Д. 57.
- ²³ ГААО. Ф. 60. Оп. 2. Д. 59.
- ²⁴ ГААО. Ф. 60. Оп. 4. Д. 19.
- ²⁵ ГААО. Ф. 60. Оп. 4. Д. 21.
- ²⁶ Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. 1916 № 1. С. 25-33; № 2. С. 54-66.
- ²⁷ ГААО. Ф. 60. Оп. 4. Д. 15.
- ²⁸ ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 351.
- ²⁹ ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 817.
- ³⁰ ГААО. Ф. 115. Оп. 15. Д. 299.
- ³¹ ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 817. Л. 29об-30; ГААО. Ф. 115. Оп. 11. Д. 351. Л. 13.
- ³² ГАОПДФ АО. Ф. 279. Оп. 1. Д. 11.
- ³³ ГААО. Ф. 105. ОП. 3. Д. 160. Л. 1.
- ³⁴ *Ефременко Л.* Пертоминский монастырь // Известия Архгубчека. № 63, 1920.
- ³⁵ ГААО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 5. Л. 20.
- ³⁶ *Харитонов А.* О Пертоминской колонии // Известия Архгубчека. № 111, 1920; *Клюев К.* Правда о Пертоминской колонии // Известия Архгубчека. № 118, 1920.
- ³⁷ ГААО. Ф. 105. ОП. 3. Д. 160. Л. 6.
- ³⁸ ГААО. Ф. 105. Оп.3. Д. 81.
- ³⁹ ГААО. Ф. 105. ОП. 3. Д. 160. Л. 4-5.
- ⁴⁰ ГААО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 5. Л.94.
- ⁴¹ ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1. Д.108. Л.12.
- ⁴² *Мальсагов С.А.* Адские острова: Советская тюрьма на Дальнем Севере. Нальчик, 1996. С. 30–34.
- ⁴³ *Шульгина М.В.* История Соловецких лагерей ОГПУ: экономическая деятельность и трудоустройство заключенных (1923–1933 годы). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архангельск, 2013. С. 57.

-
- ⁴⁴ *Кубасов А.Л.* Из истории тюрем и лагерей ГПУ (1922–1923 гг.) // Вестник РГГУ. 2009. № 17. Серия «Исторические науки: История России». С. 128.
- ⁴⁵ ЦА ФСБ РФ. Ф.2. Оп.1. Д.108. Л.12.
- ⁴⁶ ГААО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 85. Л. 7.
- ⁴⁷ Северное управление Гидрометслужбы. Отдел Гидрометфонда (Архангельск). Оп. 38. Инв. № 8667. Л. 12.
- ⁴⁸ Мальсагов С.А. Указ.соч. С. 34.
- ⁴⁹ Приказ ОГПУ № 166 от 25 апреля 1923 г. // Архив МВД республики Карелия; Шульгина М.В. История Соловецкий лагерей ОГПУ: экономическая деятельность и трудоустройство заключенных (1923–1933 годы). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Архангельск, 2013. С. 57.
- ⁵⁰ ГАОПДФ АО. Ф. 5132. Оп. 1. Д. 2. Л. 18об.
- ⁵¹ ГААО. Ф.2176. Оп. 6. Д. 21; Ф.4846.Оп.1.ДД.1,2
- ⁵² ГАОПДФ АО.Ф. 5132.Оп.1.Д.2.Л.58.
- ⁵³ ГААО. Ф. 2176. Оп.1. Д. 62. ЛЛ. 4-8.
- ⁵⁴ ГААО.Ф.2176. Оп.6. Д.21. Л.26; Ф.2176. Оп. 1. Д. 9.Л. 32.

Поклонный крест на рыбацкой тоне. Деревня Лопшеньга. 1930-е гг.
РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1, д. 117. Л. 29.

Никольская церковь. Деревня Летняя Золотица. 1956 г.
Фото А.И. Кропачева.

Развалины Никольской церкви. Деревня Яреньга. 1995 г.
Фото В.А. Захарова.

Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы. Деревня Лопшеньга.
1930-е гг. Электронный архив Кенозерского национального парка.

Последний священник Унской церкви отец Николай Варфоломеев с матушкой. 1930-е гг. Фото из семейного архива Л.А. Варфоломеева. Электронный архив Кенозерского национального парка.

Похороны. Деревня Лопшеньга. 1950-е гг. Электронный архив Кенозерского национального парка.

Харитонов Я.Э.,
старший научный сотрудник
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

Северный (Арктический) федеральный университет,
Высшая школа социально-гуманитарных наук
и международной коммуникации,
кафедра Отечественной истории,
г. Архангельск, магистрант

Религиозный фактор в жизни крестьян Летнего берега Белого моря

В последнее время особую значимость приобретает проблема сохранения культурной самобытности регионов. Не последнее место в формировании целостной картины региональной культуры занимают вопросы религиозного уклада.

Летний берег Белого моря всегда привлекал исследователей, которые рассматривали географические, этнические, экономические аспекты развития территории, но не уделяли особого внимания религии в повседневной жизни крестьян, что, в свою очередь, не позволяло представить в полной мере единую культурную картину данной территории.

Первыми русскими, заселившими Онежский полуостров в XIV–XV вв., стали «полетники», которых нанимали монастыри в разных районах Русского государства для работы в своих вотчинах¹. С XIV в. и на протяжении нескольких столетий центральные и северные монастыри активно «втягивал в орбиту своей духовной жизни и хозяйственной деятельности земли на материке».

Так, например, Соловецкий монастырь в XV в. имел подворья и соляные варницы в самых древних поселениях Летнего берега – «усольях» Уне и Луде. Жители деревень нанимались работать на соловецкие семужьи тони, работали на монастырском промысле нерпы и белухи, поставляли на Соловки рыбу, сало и кожи морских зверей², по воспоминаниям местных жителей, «вдовы и женки шили рубахи, по 40 штук за зиму, весной везли в монастырь, сдавали в рухольную, крестьяне подвизались на разные работы»³. Многие жители деревень Летнего берега в конце XIX – начале XX вв. получали образование в монастырской школе и на всю жизнь сохраняли тесные связи с обителью⁴.

Поморы жили общинно. Общинность проявлялась в общем укладе жизни⁵, основанном «на началах обычая и порядка»⁶. Важной составляющей поморской общины являлось то, что она состояла из больших многодетных семей. Жизнь, обычаи и обряды, а также поведение членов семьи регламентировались нормами всего общинного коллектива и присущих ему религиозно-культурных традиций. Все члены такой семьи жили сообща, сообща заводили суда для «...» промысла и снасти, вместе промышляли и вместе справляли домашние нужды»⁷.

¹ Бернштам Т.А. Поморы. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1979. С. 44.

² РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 787. Л. 36–92; РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5554. Л. 52 об.–74 об.

³ Дневник экспедиции в Приморский район (деревни Летняя Золотица, Летний Наволок) 1982 г. // Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. Ф.2. Оп.1. Д. 156. Л. 45.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Костиков Л.В. Отчет о поездке в Архангельскую губернию летом 1910 г. // Архив Российского Этнографического музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 349. Л. 40.

⁶ Матонин В.Н. Онежское крестьянство в XII – первой трети XX вв.: Религиозно-культурный уклад : автореф. дис... Архангельск, 2000. С. 25.

⁷ Зобков С. Поморская деревня, ее жизнь и нужды // Известия Архангельского Общества изучения Русского Севера. – 1911. – № 12. – Архангельск. – С. 975.

Ярким примером общинного уклада являлась традиция проводов и встреч жителей Летнего берега, отправлявшихся на мурманский тресковый промысел⁸. Община устраивала *простины*, которые включали в себя совместное пребывание на литургии, прощание на кладбище с умершими родственниками и «отвальный» обед.

Общинным делом были и встречи – «*стретины*». В течение всего срока возвращения *мурманщиков* дети ходили по домам и желали попутного ветра, за что получали пряники и орехи; девушки *просили на повЕтерь* – становясь в простенке избы, пели «Подайте-ткось на поветерь, хозяйюшка», за что их также одаривали. По мере возвращения промысловиков в их домах начинались семейные праздники, переходившие в конце концов в общедеревенское празднование, куда мог прийти любой желающий.

Религиозный фактор жизни крестьян Летнего берега проявлялся в «двух сферах единой покаянной дисциплины», одной из которых было покаяние-таинство, происходившее в церкви. Община объединяла поморов вокруг храма⁹ и посредством посещения церковных служб, и через «обход причтом домов с иконами и молебнами по праздникам <...> и через получение книг из церковной библиотеки» и через обучение детей грамоте в церковно-приходских школах¹⁰.

Второй составляющей «покаянной дисциплины» было «покаяние вне таинства», то есть повседневное религиозное поведение¹¹, пронизывающее все сферы жизни поморов. Бог, община и море – «поморское поле», были фундаментом, без которого помор не мыслил свою жизнь.

Основная деятельность поморов – зверобойные и рыбные промыслы, а также многие артельные обычаи были приурочены к датам церковного календаря. Например, начало подледного лова наваги и сельди начинали на Николу зимнего, в день памяти Василия Великого и Крещение Господне. На весеннего Николу проходили жеребьевки рыболовных угодий, строительство рыболовных заборов, первые выезды на *тони*.

Промысловики старались соблюдать церковные праздники, даже находясь длительное время на дальних промыслах. В Благовещение, например, не ловили ни рыбу, ни зверя. В Пасху с утра не промыслили, праздновали, а начинали работать только «с полдня»¹².

Для соблюдения во время промысла церковных праздников требовалось освященное место для проведения обрядов. Поэтому промысловики «своими силами и на свои средства» ставили на *тонях* часовни. Так, например, в 4 верстах от деревни Лопшеньга длительное время находилась часовня в честь преподобномученицы Евдокии Илиопольской (98–117 гг.)¹³, построенная рыбаками.

Кроме часовен жители Летнего берега возводили на *тонях* поклонные кресты. По воспоминаниям местных жителей, почти на каждой *тоне* стоял крест, на некоторых *тонях* крестов было два. По воспоминаниям Ирины Адриановны Майзеровой (д. Лопшеньга, запись Н.И. Рождественской, 1937 г.): «Как вставал промышленник поутру – молитца, потом и запоежжат. Приедет – привяжетца к нёводу, шапку сымет и на те же кресты опять помлитца <...> и на промысле креститца: Пошли, Господи, вперед, <...> станет спать ложитца – выйдет опять к крестам помолитца»¹⁴.

⁸ Дуров И.М. Быт рыбаков дореволюционного Беломорья (годовой цикл промыслов) // Археолого-этнографический сборник. Петрозаводск, 1936–1937. С. 294–296, 302–303.

⁹ История от первого лица. Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей: сборник. М., 2011. С. 13.

¹⁰ Громыко М.М. Православие в жизни русского крестьянина // Живая старина. – 1994. – № 3. – С. 4.

¹¹ Алексеева Н.В. Покаяние в православной традиции русских крестьян XVIII–XIX вв. (по материалам Европейского Севера России). Автореф. дисс... Вологда, 1998. С. 15.

¹² Бернштам Т.А. Народная культура Поморья. М., 2008. С. 93.

¹³ ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 2363. Л. 2.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 127. Л. 10.

Еще одним проявлением «покаяния вне таинства» можно назвать обетную практику, в которой отражались представления и о важности пожертвований, и идеи духовной пользы самоограничения, и общинные традиции. Исполнение обетов совершалось «в дополнение к обычным религиозным обязанностям и означало возложение на себя дополнительных тягот»¹⁵.

«По обету» жители Летнего берега ходили на богомолье, посещали монастыри и святые места. По воспоминаниям Марфы Ивановны Майзеровой (д. Лопшеньга, запись Н.И. Рождественской, 1937 г.), ходили «перво в Яреньгу, потом в Луду, до Бела хутора на озере Белом, на Нижмозеро, с Кянды на Солозеро. В деревнюшке две церкви маленькие как часовни старинны, молебен отслужили, потом на Андозеро, и пришли в Кянду, а потом домой»¹⁶.

В «хождении на богомолье» проявлялся неформальный характер народного благочестия, осуществлялась «подлинно духовная потребность общения с теми, кто, уйдя от мира, достиг большей возможности познавать волю Божию и мог научить, дать совет и благословить»¹⁷.

Особое значение для поморов Летнего берега имело присутствие на их земле святых подвижников – преподобных Вассиана и Ионы Пертоминских и Иоанна и Лонгина Яренгских, паломничество к мощам которых жители Летнего берега совершали на протяжении нескольких столетий.

Основные элементы системы религиозных представлений, прочно вплетенные в канву поморской повседневности, позволили затормозить процесс разрушения многовекового уклада жизни в поморских деревнях.

Однако начатая советской властью в 1920-х гг. компания по дискредитации и прямому подавлению деятельности Русской Православной Церкви коснулась и деревень Летнего берега, в некоторых из которых священники подверглись репрессиям.

В 1920 г. последнего настоятеля Троицкой церкви в деревне Уна, отца Николая Варфоломеева, по навету сельских недоброжелателей, обвинили в контрреволюционной деятельности и приговорили к одному году принудительных работ в исправительно-трудовом лагере. После исполнения наказания отец Николай вернулся в Уну и возглавлял приход вплоть до конца 1920-х гг.¹⁸ После упразднения прихода отец Николай остался работать в колхозе, так как не имел другой возможности содержать семью.

В феврале 1930 г. его вновь обвинили в «контрреволюционной агитации», взяли под стражу и выслали в Коми область сроком на три года. Жена отца Николая, Анна Гавриловна, вместе с младшим сыном Константином, кадровым военным, добилась приема у председателя ВЦИК Михаила Калинина, после чего священника освободили из ссылки. Он снова вернулся в Уну, трудился в колхозе на разных должностях. Умер Николай Викторович в 1944 г., похоронен на кладбище деревни Уны.

Судьбу многих репрессированных священников разделили и последний настоятель прихода в деревне Лопшеньга отец Александр Алексеевич Щеколдин. До назначения в Лопшеньгу он нес служение в деревне Луда, где его дважды арестовывали. В 1919 г. за «антисоветскую агитацию» отца Александра временно поместили под стражу, а в 1921 г. он был арестован и приговорен к заключению в концлагерь (на Соловки) на пять лет»¹⁹. После освобождения в 1923 г. он вернулся в Лопшеньгу.

¹⁵ Кремлева И.А. Обеты в народной жизни // Живая старина. – 1994. – № 3. – С. 16.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 2950. Оп.1. Д. 127. Л. 69–70.

¹⁷ Громыко М.М. Указ. соч. С. 4.

¹⁸ За веру Христову: Духовенство, монашествующие и миряне Русской Православной Церкви, репрессированные в Северном крае (1918–1951). Биографический справочник/ Сост.: С.В. Суворова. Архангельск, 2006. С. 80.

¹⁹ Там же. С. 630.

В октябре 1937 г. 67-летнего священника вновь арестовали за то, что он «убеждал верить в Бога»²⁰. По постановлению тройки УНКВД о. Александр был заключен на 10 лет в исправительно-трудовой лагерь, откуда не вернулся²¹.

Местные жители помнят, как «уводили попа». Его забрали из церкви, вели через всю деревню. «Попадью подобрала одна старушка», у которой жена о. Александра доживала свой век (Юдина Марфа Яковлевна, 1933 г.р., м.р. – д. Лопшеньга, м.п. – д. Лопшеньга, запись Я.Э. Харитоновой, 2018 г.)²², «здесь [в Лопшеньге] и похоронена». В 1938 г. в теплой части Лопшеньгской церкви разместили начальную школу²³, которая просуществовала в этом помещении до 1948 г. Местные жители помнят, как вдова о. Александра, матушка Александра Федоровна Щеколдина, давала детям бумагу для занятий (Петрова Пелагея Александровна, 1934 г.р., м.р. – д. Лопшеньга, м.п. – д. Лопшеньга, запись Я.Э. Харитоновой, 2018 г.)²⁴.

Проводимая советской властью политика изменения общественного мировоззрения не смогла полностью уничтожить верность религиозным традициям, на которых основывался быт поморской деревни.

Несмотря на прекращение церковных служб, закрытие почти всех храмов на Летнем берегу в 1930-х гг. и репрессии по отношению к священникам, местные жители продолжали соблюдать религиозные традиции – отмечали приходские праздники, Рождество Христово, Пасху, устраивали молодежные гуляния.

В годы богоборческих гонений в удаленных деревнях Летнего берега существовали «неформальные молитвенные дома», где собирались верующие, «правили обедницу» (часть Литургии оглашенных, Изобразительные), «вычитывали Пасху», крестили и отпевали своих земляков «мирским чином». Например, в деревне Лопшеньга в 1940–1960-х гг. верующие собирались в домах старожилов – Василия Осеевича Петрова, Егора Ивановича Майзерова, Петра Степановича Майзерова и Анны Егоровны Майзеровой (Федотов Александр Васильевич, 1954 г.р., м.р. – д. Лопшеньга, м.п. – д. Лопшеньга,; Майзеров Михаил Петрович, 1937 г.р., м.р. – д. Лопшеньга, м.п. – д. Лопшеньга,; Петрова Пелагея Александровна, 1934 г.р., м.р. – д. Лопшеньга, м.п. – д. Лопшеньга, запись Я.Э. Харитоновой, 2018 г.)²⁵.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что религиозный уклад, служивший базой мироустройства поморской общины, позволил сохранить патриархальную систему ценностей жителей Летнего берега в советский период. Устойчивость позиций Православия в коллективном сознании поморов и сегодня способствует возрождению церковно-общинной жизни в деревнях на данной территории.

²⁰ Виртуальный музей Новомучеников и исповедников Земли Архангельской. [Электронный ресурс] URL : <http://arhisповедniki.ru/cardfile/4284/> (Дата обращения – 11.04.2018).

²¹ Там же.

²² Программа «Паспортизация деревень». Деревня Лопшеньга // Электронный архив Кенозерского национального парка.

²³ ГААО. Ф. 5247. Оп. 1. Д. 176. Л. 31.

²⁴ Программа «Паспортизация деревень». Деревня Лопшеньга // Электронный архив Кенозерского национального парка.

²⁵ Там же.

Стенды «Архангельский север особого назначения»
(передвижная экспозиция)

ПРАВОСЛАВНАЯ
ИНИЦИАТИВА

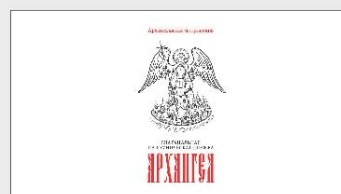
ПРОЕКТ
"АРХАНГЕЛЬСКИЙ СЕВЕР
ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ"

МАРШРУТ

«АРХАНГЕЛЬСКИЙ СЕВЕР
ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ»

ЦЕНТР РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА
ПРИМОРСКОГО РАЙОНА

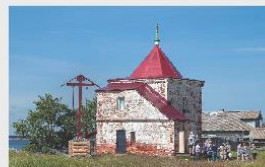
КАРТА МАРШРУТА "АРХАНГЕЛЬСКИЙ СЕВЕР ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ"

ВАРИАНТЫ ПАЛОМНИЧЕСКИХ МАРШРУТОВ ПАМЯТИ ПО АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ:

- Архангельск – Соловки – Пушлахта – Летняя Золотица – Лопшеньга – Яреньга – Пертоминск – Луда – Архангельск. Продолжительность 8 дней.
- Архангельск – Летняя Золотица – Лопшеньга – Яреньга – Пертоминск – Луда – Архангельск. Продолжительность 6-7 дней.
- Архангельск – Пертоминск – Холмогоры – Лявля. Продолжительность 3-4 дня.
- Архангельск – Новодвинск (Музей новомучеников и исповедников Земли Архангельской). Продолжительность 1 день.
- Архангельск – Холмогоры. Продолжительность 1 день.
- Архангельск – Северодвинск – Талаги – Васьюково. Продолжительность 1 день.
- Архангельск – Лявля. Продолжительность 1 день.

Справки по телефону: +7 (911) 562-46-08

Маршрут Соловки - Пушлахта - Летняя Золотица - Лопшеньга - Яреньга - Пертоминск - Луда

ЭКСПЕДИЦИЯ "АРХАНГЕЛЬСКИЙ СЕВЕР ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ-2018"

Архангельск - Кемь

Кемь - Соловки

Штормит

В программе

Наши встречи на Соловках

Секирная гора

На причале

Соловки - Пушлахта

Пушлахта

Мероприятие в Пушлахте

Пушлахта -
Летняя Золотица

Ночная Летняя Золотица

Освящение часовни

Мероприятие в
Летней Золотице

Лопатка, Кега. Литии по усопшим

Летняя Золотица - Лопшеньга

Объявление в
Лопшеньге

Мероприятие в Лопшеньге

Лопшеньга

В Яреньгу

В Яреньге

Мероприятие в
Яреньге

Закат в Яреньге

Яреньга

Яреньга - мыс
Заяцкий

Освящение часовни

Лития по усопшим
в Кислухе

Мыс Заяцкий

Лесозавод на Заяцком

Мыс Заяцкий - Пертоминск

Мероприятие в Пертоминске

Божественная Литургия

От действующего Преображенского монастыря на Соловках до разрушенного Преображенского монастыря в Пертоминске с надеждой на преображение побережья Белого моря — таков путь и главная цель экспедиции «Архангельский север особого назначения»

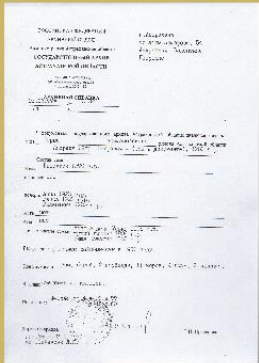
СПЕЦПОСЁЛКИ НА ПОБЕРЕЖЬЕ БЕЛОГО МОРЯ

В посёлках для спецпереселенцев отбывали ссылку русские, украинцы, белорусы, болгары с берегов Волги, крымские этнические немцы, астраханские татары, киргизы, казахи и туркмены.

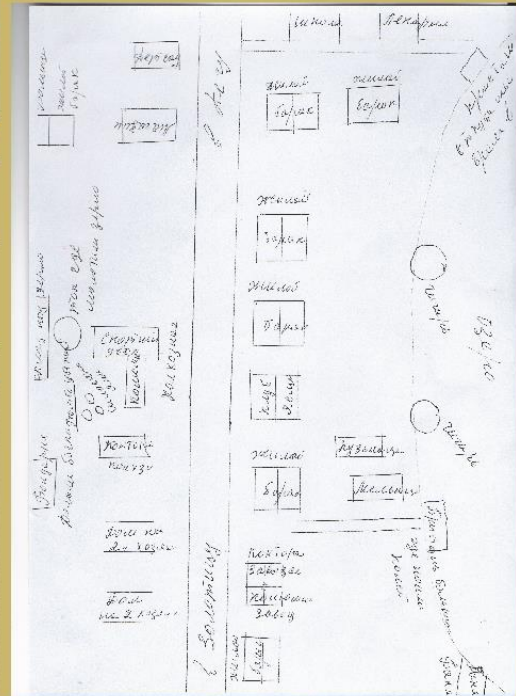

При выборе мест под спецпосёлки власти руководствовались следующими правилами - отведенные территории должны были быть пригодными для обеспечения раскулаченных работой, гарантировать невозможность побегов и давать возможность переселенцам самостоятельно добывать дополнительное пропитание.

Справка из архива о раскулачивании

В августе 1948 года Совет Министров СССР принял постановление, отменявшее особый режим содержания. С этого времени высланные стали покидать спецпоселки. Исключение составляли этнические немцы, им запрещено было возвращаться к прежнему месту жительства. Всех этнических немцев транспортировали в Плесецк для строительства военной базы и, в дальнейшем, космодрома.

Спецпосёлок Лопатка

Документ выдан в спецпосёлке Кега

Дом коменданта в посёлке Кега

Семья отбывавшая ссылку в посёлке Кега. Девочки - дочери Ирины Николаевны Гурьян-Борисовны и братья Борис Николаевич и Сергей Николаевич.

О. ЖИЖИКИН, № 448.

Архимандрит Ианнуарий (Недачин), благочинный Соловецкого монастыря (во время встречи с участниками экспедиции «Архангельский север особого назначения» на Соловках):
- Сейчас, на данном этапе, самое главное зафиксировать точки памяти, обозначить места, где были лагеря, спецпосёлки, захоронения, расстрелы, потому что когда это есть, то и завтра, и через год, и через 20 лет люди будут приходить, и им будет от чего отталкиваться для осмысления тех процессов.

Спецпосёлок Конохово

Материалы для стенда предоставлены
Зинаидой Жуковой, Сергеем Самойловым

ВОСПОМИНАНИЯ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Семья Головкиной Зои Ивановны в 1930-е годы. В центре — Зоя Ивановна Головкина, в окружении детей и родственников.

Семья Устиновых в 1930-е годы. В центре — Владимир Устинов, в окружении детей и родственников.

Из воспоминаний Зои Ивановны Головки:

Доля моим родителям досталась злая, ни за что. Они попали на Север в 1930 году. Сестре моей тогда было 6 месяцев, но она выжила. Февраль и март в те годы были очень холодными и страшными: жили в больших и длинных бараках-шалашах, которые были сделаны из жердей, пол был покрыт нарубленной хвоей, нары 2-ярусные. Для отопления стояло 3 печки-буржуйки, на которых и еду готовили. У всех было по куче маленьких детей, дети страшно болели и умирали. Иногда по 10 гробов в день хоронили.

Из воспоминаний Кадыровой Алимь Касымовны:

1 мая 1930 г. оставшееся в живых население переселенцев стали рассредотачивать по побережью Белого моря. Кто-то оказался на Зимнем берегу (Терский берег), а нас пароходом привезли в деревню Красная Гора, что в 8 км от Пертоминска. Определили нас постояльцами к местным старикам в комнату, где уже проживали две семьи. Вряд ли уместна здесь поговорка "в тесноте — да не в обиде": в комнате площадью 15-16 кв. м. нас проживало девять человек.

С раннего утра и до позднего вечера все мы работали на вырубке леса, заготовке его. Изматывала непосильная работа, холод, да и снег, который еще долго остается лежать в северных лесах, несмотря на ясные майские дни. На ноги приходится изобретать импровизированную обувь из мешковины, именуемую в народе «комотками», не лучше обстоит дело и с одеждой. Весь гардероб при себе: он и рабочий, он и выходной, собственно, выход действительно был в мир — в мир иной... Немногие выживали, получив сто пятьдесят граммов хлеба — эрсаца в сутки.

ВОСПОМИНАНИЯ Окорковой Натальи Гавриловны:

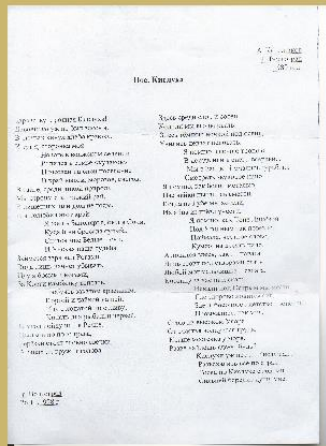
Через год, 1931 год, осень, нас переселенцев, перевезли пароходом на Летний берег Белого моря в д. Летняя Золотица. Выгрузили в цех, где зимой стоят карбасы, и на второй день на подводах увезли за 12 верст в поселок Лопатка. И опять бараки, вот только уже матица, на матицу положили жерди, сверху редко расположены доски, ветки хвойных деревьев и сверху земля — дерн. С обеих сторон барак забит досками с большой застекленной рамой посередине, и по две двери. По одной двери с каждой стороны сразу забили, чтобы не было сквозняка. Как в других бараках, не знаю, но, наверно, так было во всех. Стояли две плиты — «буржуйки» жестяных с проведенными жестяными трубами до половины барака. Плиты стояли для обогрева, но разве его хватало? По центру и по бокам все помещение было разбито на клетки (нары), в боках один ярус, в середине два яруса, площадью 2 кв. м. и на 2 кв. м. Получалось 4 кв. м. на семью. У кого большая семья — занимали две «кровать». Нам хватило одной.

Воспоминания Александра Оскаровича Крестинга:

- В Архангельске началась погрузка части людей прямо с поезда на пароход. Я с семьёй и остальной партией «шлинцев» погрузились на пароход «Ястреб» в количестве 250 человек исключительно Керченского и Феодосийского района, а через сутки нас высадили на Летне-Орловском побережье в деревне Летняя Золотица, отстоящей от Архангельска примерно в 250 верстах.

- Жители сначала отнеслись к нам враждебно, и во всей деревне, состоящей из 80 дворов, ни за какие деньги нельзя было купить бутылку молока, несмотря на то, что в каждом дворе стояли 1-2 коровы. Точно так же и рыбы, которую они засаливали в большом количестве. Вскоре наши хозяйки вошли в доверие своих хозяев, стали помогать, оказывать разные услуги, и т.о. взаимоотношения улучшились, и начался обмен труда и домашнего скарба на съестные продукты, главным образом на картофель.

- Начались заболевания, которые продолжались всю весну, много поумирало, особенно малышей. У фельдшера много внимания к больному и желания помочь, а возможности нет. Плохое питание делает своё дело, люди слабеют. На паёк, как рабочий, так и гражданский выдаётся только мука, дроблёная крупа и сахар, иногда можно купить солёную навагу и сайку.

Из воспоминаний Валентины Фёдоровны Попсуйко:

5-й класс я училась в церкви, а дальше уже в новой школе, которую перевезли с Лопатки в Золотицу. Мне кажется, что Лопатка была самым большим посёлком. Там было 9 бараков, 2 дома на две семьи, в которых жили Головки, Крестлины, Поповы и немецкая семья. Больница, где наши мамы рожали, клуб был большой, колхозная контора, заводская контора, большой скотный двор (для коров, лошадей и баранов). Сами делали деревянные бочки для творога, масла сливочного, рыбы. Была смолокурка, там тнали смолу, силосные ямы, где на зиму закладывали силос, а мы, ребяткишки утрамбовывали его. На берегу речки Курженки в сторону Золотицы был завод агар-агаровый, на берегу моря стояла сушилка, где сушили агар. В сушилке было очень жарко, на стеллажах лежали решётки, обтянутые мелкой сеткой, куда засыпали сырой агар.

Владимир Устинов, уроженец д. Летняя Золотица (во время встречи с участниками экспедиции «Архангельский север особого назначения» в Летней Золотице):

- В один из дней из Архангельска пришла депеша — «в ваше селение будут направлены переселенцы, но в деревне их не принимать и не оказывать никакой помощи». Через некоторое время пришла большая баржа, полная переселенцев, где были и люди с грудными детьми, ни одежды, ни инструментов у них не было. Отец встречал баржу. Увидев этих людей, он уехал обратно в деревню, собрал деревенский сход и сказал, что нужно переселенцам помочь. Несмотря на запрет, жители Золотицы оказывали всяческую помощь и поддержку южанам, те, в свою очередь, делились семенами, которые присылали им родственники с юга в письмах, учили местных жителей делать из молока различные продукты.

В Лопатке через несколько лет появился хороший посёлок. Он был сделан руками переселенцев. Это ведь никакие не кулаки были, а просто трудяги, на которых нужно равняться — они разработали такие поля, которых здесь никогда не было. В нашей деревне ведь раньше выращивали картошку, ячмень и рыбу ловили в море. Они же стали на полях выращивать репу, турнепс, морковь, капусту, лук. Мы научились выращивать это у переселенцев. И когда мы приехали на Лопатку, как там переселенцы организовывали свой досуг! Вроде день работают — вкалывают, а вечером танцы, пляски в построенных красивых беседках. Насколько много в русском человеке энтузиазма, независимо от того сколько он работал, как он работал, он очень любил жизнь!

Мы учились с их детьми в школе, половина класса была золотицкие, половина приезжие, дети Лопатки, Кеги, и Жижина направлялись в нашу школу.

В Пушлахте была своя школа семилетняя.

Прошли годы и в 50-е начали давать вольную — а увязать-то почти некому, у всех посёлков уже большие кладбища.

Материалы для стенда предоставлены Зинаидой Жуковой, Еленой Пахомовой, семьёй Устиновых

ПЕРТОМИНСК. ГРАНИ ИСТОРИИ

Начало системе ГУЛАГа было положено декретом Совета Народных Комиссаров о «красном терроре», вышедшем в сентябре 1918 г. В нем говорилось о необходимости очистить Советскую Республику «от классовых врагов путем изолирования и перевоспитания их в концентрационных лагерях».

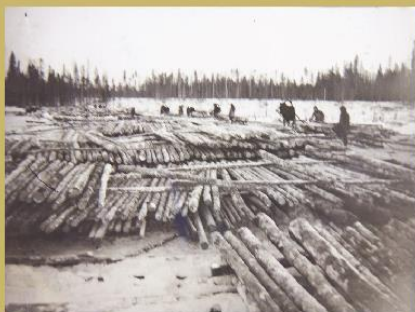
В Архангельской губернии в это время были образованы первые лагеря – Шенкурский, Холмогорский и **Пертоминский**. Последний был открыт в 1920 г. на Летнем берегу Белого моря, в стенах Пертоминского Спасо-Преображенского монастыря. Весна и лето 1920 г. стали переломными для истории обители.

С ликвидацией лагеря Пертоминск не выпал из сферы влияния ОГПУ. В 1920–1930 гг. история Пертоминска была тесно связана еще с одной трагической страницей в истории страны – насильственной коллективизацией и раскулачиванием крестьян.

Высылаемые на Север «кулаки» доставлялись в несколько пересыльных пунктов, в том числе бывший Пертоминский монастырь.

Транспортировка заключенных в новый лагерь на Соловках из Пертоминска началась в августе 1922 г. и продолжалась до полной ликвидации лагеря в июле 1923 г. Часть заключенных была этапирована на Соловецкие острова, часть расстреляна на Варакатском озере в окрестностях монастыря.

Работа спецпоселенцев на лесозаготовках / Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

Общий вид спецпоселка. 1930-е гг. / Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»

Производственный потенциал Пертоминского монастыря позволил открыть в начале лета 1920 г. Пертоминское советское хозяйство при Архгубчека (совхоз Пертоминский). А расположение монастыря в «одной из лучших местностей Беломорского побережья» и «здоровый местный климат» способствовали решению комиссии об организации при совхозе летней детской трудовой колонии на 200 «дефективных детей со всей Архангельской губернии».

Однако после августа 1920 г. деятельность детской колонии не возобновлялась по причине открытия на территории бывшего монастыря лагеря принудительных работ.

В начале 1921 г. имущество Пертоминского совхоза было передано представителю Архгубчека Бачулису. С этого момента начал официальное существование Пертоминский исправительно-трудовой лагерь.

Арестанты содержались в неотопляемых монастырских корпусах, комнаты в которых были переделаны под камеры, люди питались «исключительно сухой рыбой, не видя хлеба». Голод заставлял заключенных употреблять в пищу древесную кору, насекомых и мышей.

Крайняя скученность способствовала распространению эпидемических заболеваний. Очень быстро Пертоминский лагерь приобрел статус негласного штрафного изолятора для заключенных других северных лагерей.

Одно упоминание о Пертоминске «заставляло трепетать», так как перевод туда был равносителен смертному приговору.

Командант лагеря Бачулис творил «полный произвол и самодурство», практиковал избияния и несанкционированные расстрелы.

Формально призванный перевоспитывать «несогласных», на практике лагерь служил местом массового уничтожения людей.

Монастырь на Белом море. Пертоминский монастырь. 1880

В Пертоминский лагерь по приговору трибунала направляли, наряду с уголовниками, и политических заключенных – офицеров и солдат армий Деникина, Врангеля и Колчака, гражданских лиц с отвоєванных у белых территорий, бунтовавших кронштадтских матросов, участников антоновского мятежа, представителей интеллигенции «всех национальностей и вероисповеданий», кубанских и донских казаков, несогласных с советской властью эсеров и меньшевиков.

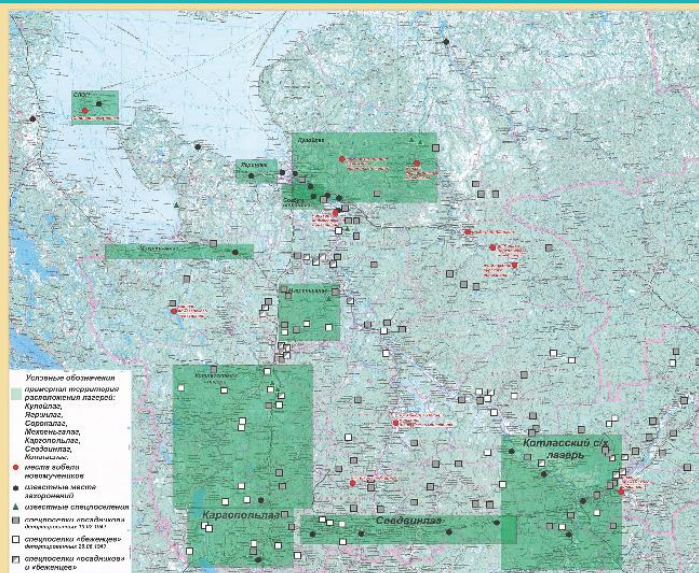
В 1931 г. на Заяцком мысе начал действовать Унский лесозавод. На заводе трудились завербованные в деревнях рабочие. Кроме того, к заводу были приписаны проживающие в спецпоселениях Кислуха и Сосновка раскулаченные. В 1951 году Унский лесозавод сгорел. Дома и бараки с Заяцкого мыса перевезли в Пертоминск. В Пертоминск переехала и часть спецпереселенцев.

Установка памятного креста в Пертоминске в 2017 году

По материалам доклада Яны Эдуардовны Харитоновой «Тулаг на Летнем берегу Белого моря»

Потаённые Соловки в лявленских лесах

В январе 1919-го года в избушку на Сумозере, пряча от белых, привезли комиссара финансов Архангельского губисполкома П.М. Медведкова. Комиссаром он был недолго – до приезда в Архангельск комиссии Кедрова, который, как известно, разогнал большевицкий Совет.

Павел Михайлович, кстати, уроженец деревни Зачапино, был болен тифом и лежал без памяти. Ухаживал за ним высокий старик с большим крестом на груди, какие любили носить старообрядцы. Когда комиссар более или менее поправился и смог обрывать себя сам, старик ушёл.

Прячась в избушке, Павел Михайлович придумал, как сплавлять лес по малым речкам и, следовательно, рубить его не только вдоль Северной Двины, но и в тайболе.

В 1920 году его назначают организатором Нижнедвинского сплавного района. Но вот беда – местные жители не хотели работать в лесу. За готовую шпалу на устье Лявли (то есть надо свалить дерево в лесу, окорить его, отесать на четыре канта по стандарту, доставить к берегу Двины) он платил рубль. За то, чтобы отвести корову-походницу от пункта передержки скота в доме старика Багрецова в Трепузово до такого же пункта в доме Кривоноговых в Уйме, на Устьянской, ребятня тоже получала рубль.

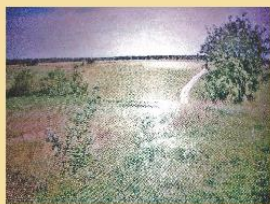
Рабочие появились у Павла Михайловича в 1923-ем году.

2 августа 1923 года Губисполком принимает решение о срочной высылке с островов всех соловецких монахов.

Медведков селит высланных монахов в бывших староверческих скитах. Тесно? – стройтесь! И монахи строили бараки – надёжно, качественно. Бараки послужили не только им, но и администрации «Кулойлага». Голодно? – рубите лес! Много рубите, сплотите, сплавите по весне к Северной Двине – привезём много хлеба, остальное лес даст. Мало рубите – так в газетах пишут, что вы, монахи, – враги трудового народа.

Так объяснив суть текущего момента, конвой оставлял монахов (монахинь, священников) одних, но побегов не было.

Архангельск превращался во всеоюзную лесопилку. По лявленскому зимнику два-три этапа в неделю уходили в лес, назад, естественно, никто не возвращался. Один за другим возникают Конецгорский, Лявленский, Бобровский, Косковский, Вайновский лесопункты, принимающие лес у Нижнедвинского лесопромышленного предприятия, но правильно говорить, у УСЕВЛОНа.

Лявленский зимник

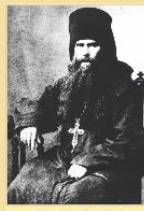

Икона "Всех скорбящих радость" спасена при закрытии монастыря арестованными соловецкими монахами. Все они погибли, но образ и Евангелие из обители уцелили. Ныне икона находится в лявленской церкви Успения Пресвятой Богородицы. Эту икону несли монахи, когда уходили с Соловков в лявленские леса.

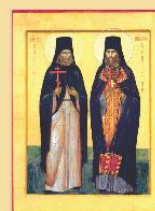
В 1920 году, спустя месяц после взятия Архангельска частями Красной Армии, на Соловки прибыла Особая комиссия Губревкома, начались обыски и ограбления монастыря, вывоз ценностей, которые удалось обнаружить, запасов продовольствия. В том же году архимандрит Вениамин и его ближайший помощник иеромонах Никифор (Кучин) были арестованы и отправлены на принудительные работы в Холмогоры, в только что организованный там концентрационный лагерь.

После двух лет лагерных мытарств архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор были освобождены. К этому времени Соловецкий монастырь уже упразднили, а через год, в 1923 г., превратили в концлагерь.

По совету бывшего послушника Соловецкого монастыря Степана Маркеловича Антонова, летом 1926 г. монахи переехали в село Часовенское Архангельской области к сестре Степана Анне Антоновой и этим же летом Степан Маркелович и другой бывший насельник Гулин Прокопий Ульянович соорудили для них в глухом лесу небольшую избу на расстоянии сорока верст от ближайшего населенного пункта — деревни Коровкинской.

Архимандрит Вениамин
о иконе — венок Иоанн Власович

Карта основного лесозаготовительного района УСЕВЛОНа в двадцатые годы. Скит Вениамина и Никифора (архимандрит Вениамин - последний настоятель Соловецкого монастыря до его закрытия в 1920 году) в центре его не случайно. От скита до Лодьозера четырнадцать километров, до Кельдозера – двадцать три, до Семиозерья – семь, до женского лагеря – десять. Выше по карте, на водоразделе реки Кулой и Северной Двины, ещё множество командировок и подкомандировок, ниже – тоже. Архимандрит сам пришёл к своей братии, ему удалось воссоздать в тайге «потаённые Соловки»

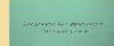
Жизнь архимандрита Вениамина и иеромонаха Никифора в скиту на Волкоозере проходила «в молитвах и постоянных трудах». Они ловили рыбу, выращивали овощи, которыми и питались. Обстановка их лесной кельи была бедной и убогой. Единственные «ценности» — самовар, кофейник да еще настольные часы. В лесной глуши, вдали от людей, изгнанники-монахи прожили три года. В апреле 1928 года, накануне праздника Пасхи, два молодых человека, местный Степан Ярыгин и Владимир Иванов, пришедший комсомолец, решили ограбить монахов.

Шел вторник Светлой седмицы. Архимандрит Вениамин и иеромонах Никифор совершали праздничное вечернее богослужение.

Когда совсем стемнело, Иванов и его сообщник подошли к избушке и начали через окна стрелять в монахов. Стрелял Иванов. Однако ограбить избушку не смогли: обуял страх. Они так и не посмели войти в келью. Забрались только на чердак, где прихватили кое-какие немудрящие вещи убитых монахов, а также керосин. Они облили избушку снаружи, а затем подожгли. В это время мученики были еще живы: на следствии Иванов говорил, что слышал их крики. Придя в очередной раз проведать отшельников, Степан Маркелович обнаружил два обгорелых скелета и похоронил их. Но он заставил милицию провести следствие – убийцы были наказаны.

Так, мученическим венцом завершилась земная жизнь последнего архимандрита Соловецкого монастыря, преподобномученика Вениамина и его верного ученика Никифора, которые удостоились «ради Христа не только верить в Него, но и страдать за Него».

На Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви от 13 – 16 августа 2000 г. священномученики Вениамин и Никифор были причислены к сонму новомучеников и исповедников Российских.

Использованы материалы музея Новомучеников и Исповедников земли Архангельской (основатель Н.В. Суханов)

ЛЯВЛЯ. ГОДЫ "КРАСНОГО ТЕРРОРА". СТРАДАНИЯ НЕУГОДНЫХ

Закон диалектики

Сначала били самых родовитых,
Потом стреляли самых работающих,
Потом ряды бессмысленно убитых
Росли из тысяч самых не молчаливых.

Среди последних — все интеллигенты,
Радетели достоинства и чести,
Негодные в работе инструменты
Для механизма поголовной лести.

В подручных поощряя бесталанность,
Выскакивала власть себе подобных.
В средневековье шла тоталитарность,
Создав себе империю удобных,

Послушных, незаметных, молчаливых,
Готовых почитать вождём бездарность,
Изображать воистину счастливых,
По праву заслуживших легендарности...

Держава, обессиленная в пытках,
Ещё не знала о потерях сущих,
Не знала, что КОЛИЧЕСТВО убитых
Откликнется ей КАЧЕСТВОМ живущих.
Игорь Кохановский, 1989 г.

Захоронения за псарёвским кладбищем

Массив захоронений, который
условно можно назвать за
псарёвским кладбищем, самый
большой из лявленских массивов
захоронений жертв репрессий и
самый циничный по способу
захоронений.

Непосредственно расстрелы
производились в городе, сюда
привозили уже трупы, раздетые и
без опознавательных знаков.
Из воспоминаний Екатерины
Андреевны Бутаковой (жительницы
д. Ершовка):

- Мы с мужем и золовкой ходили по
клякву. Запозднились,
возвращались домой уже в
сумерках. Они (похоронная
команда) со всех сторон охранение
выставили, а со стороны леса — нет.
Мы и вышли к самой машине.
Трупы были голые, их крючками,
какими лес катают, из машины в ров
стаскивали. Нас арестовали, но
меня и золовку через час
отпустили, а мужа отвезли в город —
для выяснения.

В настоящее время сложилась
определённая система знаний о политических репрессиях в Архангельске и роли в них географического пункта «Лявля».
В 1928 году в Лявле начинает действовать Управление 9-ой базы УСЕВЛОНА. Её сотрудники выполняли одиночные
расстрелы за лявленским кладбищем и групповые за Трепузово.

С 1934-го по 1936 год исполнение приговоров производится в лесу около кооператива «Северодвинка». Здесь стоял полк
пограничников, позднее конная школа милиции.

С 1936 года основным расстрельным районом становится лес по правой стороне речки Чёрная между Бабонегово и
Конецгорьем. Район был обнесён глухим забором. Стоял дом (сторожка), в котором постоянно находился сотрудник НКВД.
С 1943 — го стреляют уже в городе, а трупы вывозят в лес за псарёвским кладбищем.

Машина уничтожения работала без перерыва.

Икона св. Варвары с острова Ельничный. Кто-то из расстрелянных на острове Ельничный нёс с собой икону. Она попала вместе с трупами в
ров. Но река активно размывает остров в этом месте, кости выпадают в воду, выпала и икона. Это была уже практически голая доска. Икона
попала в лявленский храм, через полгода проявилось изображение св. Варвары.

Раскулаченных в течение лета отправляли баржами на Печору. Но возить людей баржами по морю дорого.
Как выпал первый снег, всех оставшихся построили в колонну и под конвоем повели туда же. Об этой колонне рассказывали
многие лявленские старожилы. Чтобы разместить подконвойных на последнюю ночёвку под кровлей, были заняты повести
всех лявленских домов. На следующий день их снова выстроили в колонну вдоль берега Лявленки: шесть человек в
шеренгу. Когда голова колонны зашла в лес за Зачапино, последние шеренги её ещё спускались с моста.

Воспоминания о затоплении барж в Северной Двине

Летом 1925 года на берегу сидели отец с сыном Б-вы.
Просто сидели и любовались рекой. Погода прекрасная,
буксир баржу тянет. Вдруг на пароходе забегали люди,
закричали. Было видно, как они выбирают буксировочный
трос, и баржа медленно уходит под воду.

В это же время семья Карбасниковых в деревне Ершовка
собиралась поужинать. Вдруг раздались крики на реке.
Отец, Егор Карбасников, быстро задрюнул занавески на
окнах, но зря — на следующий день дети всё равно узнали,
кто кричал и по какому поводу.

В тот год мы с отцом решили на Успение (Пресвятой
Богородицы) плыть в Лявлю. После бою вывернулись из
Сопушинки на Двину, сразу, сразу после Бабонеговской кошки,
очутились среди мертвяков. Во всю ширину реки, справа и
слева несло трупы — над водой только лицо и кисти рук.

Вот страху-то натерпелись (У.И.Потанина).

Весной 1929 года по Двине вниз по течению спускались
баржи. На первую садили глав семейств, раскулаченных
«по первой категории», на последующие — сами семейства.
Все баржи пристали в Чёрном Яру — первая не пристала
нигде.

Крестильный ящик из церкви Успения Пресвятой Богородицы в Лявле
Ящик обнаружен в стене во время восстановления фундамента лявленской
церкви.

Было необходимо укрепить фундамент постройки. Для этого вдоль стен
рыли канаву. В алтаре работал Александр Исаков.
Он почувствовал дуновение ветра от стены. Пытаясь выяснить источник
ветра, он заметил, что некоторые кирпичи из стены можно легко вытащить.

Так он обнаружил в стене вентиляционный канал. Когда Александр
протянул руку в отверстие канала, на нее упали небольшие дощечки.
Когда их собрали вместе, стало ясно, что это был крестильный ящик.
Лявленские священники пользовались найденным крестильным ящиком в
течение нескольких лет, называя его «приветом от протоиерея Сильвестра
Титова», последнего священника Лявли, осуждённого за «невыполнение
твёрдого задания» и погибшего в «Сорокалуге».

Расстрелы на острове Ельничный (начало двадцатых годов)

В 1925-ом году, в июле, на двух баржах везли заключённых в Холмогорский
концентрационный лагерь. Когда проплыли начало Богоявленки, ведущей к Холмогорам,
заключённые начали кричать, указывая капитану буксира, что надо было свернуть с
судового хода в левую протоку Северной Двины. Охрана восприняла крики как бунт, тем
более, что один молодой человек, воспользовавшись неразберихой, прыгнул в воду и
поплыл к острову. Ему удалось спастись. Двое суток он сидел в кустах, потом переплыл в
Вайново (свидетельство П.Я. Короткого, который дал молодому человеку одежду и помог
скрыться). Был ещё один человек, видевший эту расправу, — Мария Владимировна Гурьева.
Она приплыла рано утром на остров Ельничный доить корову, увидела, как выводят людей
с барж и расстреливают, и тоже спряталась в кустах. Мария Владимировна рассказывала
мне, что люди были в основном в рясах, т.е. священники, монахи.

В августе 1928-го года вели этап в Облаглес, так
называлась тогда организация, на базе которой в
лявленских лесах позднее будет создан Кулойлаг.
Остановились ночевать в деревне **Малые Корелы**.
Заключённых развели по домам, точнее по поветям. По
рассказам старожилов (Анны Михайловны Ивановой и
др.), вели на лесоповал священников. Что произошло
далее — неизвестно. То ли случился побег, то ли попытка
побега, но начальник этапа вывел всех на местное
деревенское кладбище, заставил вырыть ров и всех
расстрелял.

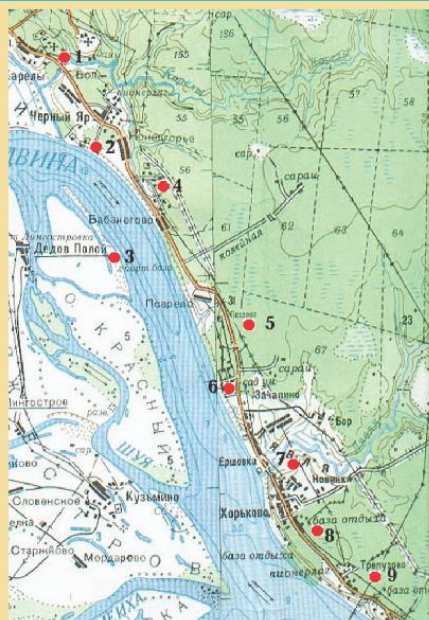

Евангелие, принадлежавшее жертве «случайного
расстрела» в Малых Корелах.

Кто-то из заключённых забыл в доме, где
ночевали, Евангелие. Его обнаружила Анна
Ивановна Иванова, когда купила дом в Малых
Корелах. В 1983 году она подарила Евангелие
соседке, внук которой передал его музею вместе с
историей о «случайном» расстреле.

Использованы материалы музея Новомучеников и Исповедников
земли Архангельской (основатель Н.В. Суханов)

Поклонный крест, установленный около церкви Успения Пресвятой Богородицы, хронологически был первым знаком, поставленным в 2002-м году в память о лявлянских захоронениях жертв политических репрессий.

Николай Васильевич Суханов (слева) - исследователь темы репрессий

Крестный ход по местам захоронений жертв репрессий
Молитвенное шествие по местам расстрелов проводится в регионе ежегодно. Десять поклонных крестов в районах крупных захоронений жертв массовых репрессий были установлены Архангельским союзом православных промышленников и предпринимателей в населенных пунктах Жаровиха, Уйма, Новинки, Малые Карелы, Черный Яр, Бабонегово, СОТ «Северодвинка», на псаревском кладбище, а также на островах Красном и Ельничном.

На схеме красными точками отмечены основные захоронения, кроме того, что на острове Ельничный, из-за его сравнительной удаленности от Лявля

Вы спросите, где могилы? А нет могил. Или под каждой елкой по могиле – кому как нравится. Ни один музей мира не сможет рассказать о всех погибших и зарытых в наших северных лесах. Поэтому крестные ходы должны стать традиционными. И в лесу, хоть раз в году, должна звучать молитва.

Массовое захоронение периода репрессий 1930-1940 годов обнаружили ученые в Приморском районе Архангельской области.

Исследования провели с помощью георадара на пространстве между деревнями Псарев и Ершовка. В этом месте установлены несколько памятных крестов, однако основательных поисков здесь не велось. Для проведения работ прибыл старший научный сотрудник Института земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн РАН, один из создателей георадара Павел Морозов. Было сделано несколько проходов с техникой. Георадар обнаружил одиночные ямы глубиной от 2,5 метров до полуметра и рвы длиной 15 метров в длину и три в ширину. Эти рвы можно считать могилами.

Все границы захоронений установить невозможно, потому что, по словам Николая Суханова, они тянутся вплоть до берега реки, приблизительно 200-300 метров.

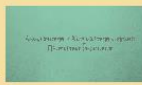
В 1996 году в Лявля на угоре, который в 30-е годы прошлого века стал полигоном для расстрела, начал действовать Иоанно-Богословский монастырь. «Вот почему здесь Господь открыл монастырь, — рассказывает игуменья Афанасия, — потому что здесь места расстрелов. Они были от Малых Корел до Вайново и островов. За каждой ёлкой, за каждым кустом, в каждом озерке, в каждом болоте людей топили, расстреливали. Здесь на реке напротив Ершовки потоплено две баржи. Местные жители это видели. Бабушка рассказывала: „Я видела, время было страшное, люди с ружьем ходили, говорили: только высуну нос, мы тебя тоже пристрелим“. Одна баржа была со священниками и монахами, другая с матушками и детьми”.

Раритеты из лявлянских захоронений жертв политических репрессий В 2012 году ребята из Архангельских поисковых отрядов провели обследование лявлянского массива захоронений, расположенного около СОТ «Северодвинка». Они исследовали один из рвов и передали в музей предметы, которые там обнаружили.

Речной крестный ход на катерах в память жертв политических репрессий советского периода
Остров Ельничный - здесь в 30-е годы массово расправлялись с заключенными Холмогорского концентрационного лагеря. Остров Красный, вблизи деревни Бабонегово. В начале XX века это место было самым глубоким на Северной Двине, именно здесь молодое советское государство топило в реке узников ГУЛАГа полными баржами.

**Новомученики и Исповедники,
молите Бога о нас!**

В Талаге строится аэродром.
Пни раскорчуют и нальют гудрон.
И плитами бетонными уложат
А мертвых даже и не потревожат...
Доски мемориальной не поставят
И не запишут летчику в уставе,
чтоб он, с земли набравши летных сил,
пилотку снял и лоб перекрестил.

Грачевский Юрий Маркович,
поэт и писатель, в начале
40-х годов отбывал часть своего
срока в Талагах

Позднее он написал: «Талага. Старорежимный лагункт на берегу Кузнечихи, повыше Белого моря, чем Ягры, Но все же являющейся дельтой Северной Двины. Старый – старый, долгими годами обживаемый лагерь. И, по сравнению с Молотовском, домашний какой – то. Уголовников нет совсем – только 58-я. Живут здесь безвыездно, безтапно помногу лет. Состав более или менее подходящий. Прижились. Приварились. Попривыкали друг к другу. Все про всех все знают.

Не то, что на Яграх, где и лиц – то запомнить невозможно, не говоря уже об именах. А тут все по имени – отчеству. Все на «вы», кроме тех, кто так спаялся с соседом, что как бы на брудершафт с ним выпил. А вообще – то всяческая грубость не одобряется. Интеллигентская царит атмосфера.

Кто мог предположить тогда, что не минет и двадцати лет, а и этого, будто на века встроено в землю лагеря, уже не встретишь на берегах Кузнечихи. От него и следа не останется, разве только наименование...»

Бывшая контора исправительно-трудового лагеря

Из воспоминаний Алимовых Антонины Александровны и Николая Зардиновича:
Мужская лагерная зона находилась там, где сейчас располагается психбольница. Много лет бывшие лагерные бараки после переоборудования использовались как больничные корпуса. До устройства лагеря территория, где располагался лагерь и промзона, была покрыта лесом. Заключенные вырубали лес, построили себе бараки и другие лагерные постройки, жилье для охраны и персонала, клуб, производственные сооружения. Зона была окружена деревянным забором и колючей проволокой. Заключенных везли на работу и с работы под вооруженной охраной с собаками.

Бывшие лагерные бараки

Лития по усопшим

Экспедиция 2.10.2018

Протоиерей Владимир Новиков, краеведы
Галина Шаверина, Николай Кононов

Бывшие детские «ясли» в женской зоне Талаг

Воспоминания Чуповой Лидии Федоровны:
Парни Повракулы служили охранниками в лагере. Заключенные на телефонной станции ремонтировали аппаратуру, приводили их под охраной, запрещали вольным разговаривать с заключенными. Заключенные тайком подкладывали письма в журнал для пересылки. Главная улица поселка проходит по бывшей узкоколейной железнодорожной ветке. Для лагеря и промзоны вырубали лес по берегу Кузнечихи и на всей территории лагеря. Были побеги. Заключенные сделали подкоп, в который за зоной случайно провалился охранник, так подкоп был обнаружен. Заключенные построили мост через реку Юрас, дорогу на нефтебазу, ТЭЦ, лесоповал в Семиречье, туда вела лежневка. На Юрасе был сооружен ложный аэродром.

Талажская исправительно-трудовая колония до 1942 года входила в состав Кулойлага. В 1942 году Кудойлаг был расформирован. Позднее колония стала подразделением Ягринлага.

В Талажской колонии заключенные занимались заготовкой и сплавом леса, смолокурением, лесопилением, освоением аварийной древесины, деревообработкой, были мебельный и гончарный цеха, сельскохозяйственная часть, кирпичное производство, занимались строительством дорог, водопровода, мыловарением, капитальным строительством, было обувное и швейное производство, изготавливали металлошприцпотреб. **Строили аэродром.**

Территория бывшей промзоны в Талагах.
Дорога на территории промзоны до сих пор пружинит под ногами из-за опилок (здесь была лесобиржа).

Встреча с Николаем Ивановичем Свириденко 1937 г.р., отец служил в лагере.

Николай Иванович нарисовал расположение лагерной зоны, расположение бараков и других строений, расположение ограды и вышек, примерную территорию промзоны, дорогу, по которой заключенных везли на строительство аэродрома. Рассказал, что у лагеря была своя сапожная мастерская (около зоны) и швейка (2-х этажное здание сохранилось), баня, бараки одноэтажные прямоугольной формы, отдельный барак для больных туберкулезом, клуб, лагерный медпункт. Подтвердил информацию о лесобирже и пилораме: лес плавали к лагерю плотами, заключенные его выкатывали и перерабатывали, был мебельный цех. По берегу реки Кузнечихи были четыре кирпичные печи, глину доставляли из карьеров на тачках, формовали, под пресс и в сушилки. Готовый кирпич доставляли в Архангельск. Берег реки на большом расстоянии до сих пор усен кирпичной крошкой. Производство кирпича было прекращено с закрытием лагеря, работать стало некому. Насыпь для Талажского шоссе отсыпана заключенными. Лес валили вначале на Титово, потом в Семиозерье.

Инженер-физик Каган Виктор Кузислевич, арестованный в Молотовске в 1945 году и получивший 10 лет ИТЛ некоторое время отбывал срок в Талажской колонии. Вот что он написал в своих воспоминаниях:
Талага — модель ГУЛАГА

В 1945 году настала моя очередь: мне дали стандартный срок десять лет. Я попал в ту самую Талагу, где был упомянутый в «Архипелаге ГУЛАГ» плановый выпуск мебели на базе аварийной древесины — бревен, отбившихся при сплаве. Помню совещания, на которых золотопогонные начальники решали, сколько аварийной древесины нужно заготовить на следующий месяц. Чем не модель всего ГУЛАГА, который обеспечивал плановое производство в целых отраслях хозяйства всей страны на базе «аварийной» рабочей силы?..

ОБЪЕКТ 178 (АЭРОПОРТ ВАСЬКОВО)

Немецкая съемка аэропорта Васьково в военное время

Когда для аэропорта тянули кабели по дну озера Сторожье, водолазы наткнулись на множество человеческих останков. Осужденных, которые умирали зимой, не хоронили, а просто бросали в проруби. Местные жители называют озеро Мертвым. Участники экспедиции протоиерей Владимир Новиков, Галина Шаверина, Николай Кононов, Ольга Воронова, 2018 год.

Постановление бюро обкома ВКП(б) и суженного исполкома областного Совета депутатов трудящихся от 2 апреля 1941 года

Протокол № 66 от 2 апреля 1941 года «О строительстве объекта № 178»
 В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 марта 1941 года о строительстве объекта № 178, бюро обкома ВКП(б) и суженный исполком областного Совета депутатов трудящихся ПОСТАНОВЛЯЕТ:
 Командировать в распоряжение Уполномоченного НКВД СССР из числа инженерно-технических работников областных и городских контор следующих товарищей: (в списке 21 человек - инженеры, проектировщики, геодезисты, техники, главный бухгалтер, заведующий сметной группой и др.). Из них 6 человек освободить от работы и направить в суточный срок, остальных в течение 4-х суток.

Постановление бюро обкома и исполкома от 2 августа 1941 года «О строительстве оборонного объекта № 178»

На основании Постановления ГКО от 15 июля 1941 года и Постановления ВА АВО от 1 августа 1941 года за № 00111, бюро обкома и Исполнительный комитет Постановляют:
 Обязать Северолес и Архангельскую контору Главлесосбыта до 1 сентября 1941 года изготовить на заводах Архангельска 15 000 куб. метров 4-х кантового бруса сечения 12 на 12 см, погрузить и сдать начальнику оборонного строительства № 178.
 Им же до 20 августа изготовить на своих предприятиях, из своих материалов кованых гвоздей в тоннах (в общей сложности 240 тонн). Предложить председателям Архгорсовета и Приморского райсовета в 3-х дневный срок отвести сенокосные угодья на 150 тонн сена (100 тонн Приморский район, 50 тонн Архгорсовет) для обеспечения конского состава, занятого на строительстве, в районе расположения строительства объекта № 178.

Спецсообщение о строительстве аэродрома на Исакогорке:

Строительство аэропорта на Исакогорке (объект 178), возложенное на начальника строительства 203 Кронова и проводимое силами 3-х строительных батальонов в количестве до 4 000 бойцов, заключенными Ягринлага - 1500 человек и 300-мя колхозниками в порядке трудужуповинности, находится под угрозой срыва, что видно из ниже приводимых фактов...не используются на полную мощность стройхозагрегаты...работы, которые должны производиться механизированным путем, производятся вручную...нет правильной расстановки рабочей силы и организации труда...бытовое положение бойцов 583, 584, и 585 батальонов находится в исключительно тяжелых условиях...бойцы спят на голых нарах...бойцы не имеют накомарников и рукавиц...низка калорийность пищи...большая часть бойцов представляют собой оборвавшихся, одетых в лохмотья людей...отсутствуют воинская и трудовая дисциплина. Командный и политический состав батальонов редко бывает на производстве, отсиживаются и отсыпаются в палатках.
 Начальник 3 отдела АВО подполковник Кучеренко
 Нач-к 3-го отделения авиабазирования лейтен. Госбезоп. Стрижевский

Постановление бюро Архангельского обкома и исполкома областного Совета депутатов трудящихся от 5 июня 1941 года

Протокол № 80 от 5 июня 1941 года
 «О введении платной трудовой повинности на строительстве объекта № 178»
 На основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 марта 1941 года для строительства объекта № 178 ввести платную трудовую и гужевую повинность с 20 июня до 15 октября 1941 года в нижеследующих районах области.

Всего 300 человек и 300 лошадей с упряжью и повозками (далее указаны территории и количество человек и лошадей: г. Архангельск 35 и 35, далее Холмогорский, Каргопольский, Емецкий, Черевковский, Верхне-Тоемский, Плесецкий, Красноборский, Коношский и Приморский районы) колхозников и единоличников. Секретари райкомов обязаны представить на ст. Исакогорка трудоспособных мужчин и хорошую тягловую силу с исправными телегами и упряжью. Обязать начальника строительства объекта № 178 тов. Нутельс обеспечить прием, организовать питание и общежитие, обеспечить фуражем (за плату) и т.д.

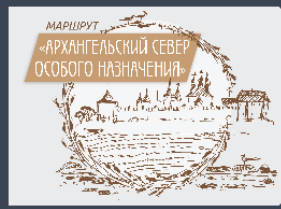
Секретарю обкома, члену ВС АВО Огородникову

На строительстве объекта 178 по распоряжению НКО работает три строительных батальона, из которых два прибыли из вне области и один сформирован архангельским облвоенкоматом из числа военнообязанных мобилизационных возрастов. Личный состав батальонов при формировании получил обмундирование 2-й категории - бывшее в употреблении с большим процентом износа. В настоящее время после того, как батальоны на объекте больше месяца и преимущественно на земляных работах, годность обмундирования к носке определяется:
 1. Годных для носки брюк осталось 30 % 2. Гимнастерок 44 % 3. Нижнего белья 68 % 4. Шинелей 80 %. Это ограничивает работу бойцов, ежедневно увеличивается невыход на работу, имеют место явно нездоровые настроения. Нет ясности, кто должен обеспечивать...якобы по указанию наркома НКВД Берии вещевого и продовольственного снабжение за счет военного округа, а в интендантском управлении округа имеется разъяснение, что округ обязан обеспечивать только продовольствием, а вещевого довольствие по линии строительства. В составе батальонов имеются лица только что отбывшие наказание в лагерях. Работать командному составу небезопасно, но не разрешен вопрос о вооружении командного состава личным оружием.
 Зав. военным отделом Арх. обкома Парфенов

Из письма управления строит-ва 203 и Ягринского лагеря секретарю обкома от 3 ноября 1942 года: **IV. Аэропорт № 178**
 Основные работы по программе 1942 года закончены, остались лишь отдельные доделки. Объект 3 ноября предьявляется к сдаче.

Материалы из фондов ОДСПИ ГААО предоставлены Галиной Шавериной

Рикасиха, Глинник, Талаги, Васьково – места трудового подвига политзаключенных. Сейчас это населенные пункты Приморского района, а несколько десятков лет назад, до 1953 года, на этих территориях располагались подразделения Ягринлага.

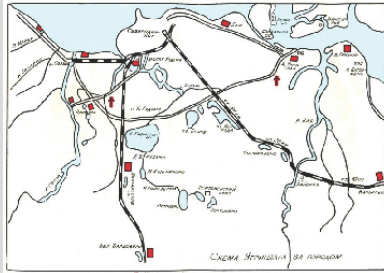

Схема Ягринлага за городом составлена М. Остроченко

Схема составлена бывшим помощником оперуполномоченного Ягринлага П.Ивонцыным

Результаты поездки в Рикасиху 29 июня 2016 года. Ездили Шаверина Г.В. и Крылова Т.Б. Встречались с жителями Рикасихи Арбузовой Людмилой Васильевной, 1940 г.р., Панфиловой Ниной Яковлевной, 1940 г.р., Ниной Ивановой, 1937 г.р., Орловым Виктором Павловичем, 1929 г.р.

Нам показали въездную дорогу на территорию деревни и лагеря. Там стояли въездные ворота, у которых постоянно находились два вооруженных бойца ВОХРы. Рядом было строение для охранников (по левую сторону от въездной дороги). Показали место расположения здания для персонала и жилых бараков для заключенных (ничего не сохранилось).

Рассказали о месте нахождения кирпичного завода и месте захоронения умерших. Заключенные строили дорогу на Архангельск и в Лайский Док, разгружали с барж оборудование для строящегося завода № 402 (там, у пристани, тоже были лагерные бараки), делали кирпич, черепицу и глиняную посуду. Во время строительства дороги на Лаю погибало много заключенных, их хоронили тут же в болоте. Кладбище (основное) располагалось по левую сторону дороги на ст. Рикасиха в 100 метрах от воинской части. Кирпичный завод – по правую сторону той же дороги примерно в 1 км от развилки.

Свидетели того времени помнят исхудалых в оборванной одежде военного покроя заключенных, которые собирали крапиву. Нина Яковлевна рассказала, как заключенный перешагнул ограду около их дома, чтобы нарвать крапивы. Мама застучала в окно и запретила брать крапиву, т.к. они сами использовали крапиву в пищу. Заключенный удалился. Виктор Павлович в школьные годы общался с заключенными, «хорошие ребята», так он вспоминает их сейчас.

Имен вспомнить уже не может.

На 5-м километре располагалось лагерное отделение, окруженное забором с вышками.

Заключенные строили дорогу на Архангельск.

Дед Людмилы Васильевны рассказывал, что рукав Северной Двины у деревни Рикасиха был неширокий, «хомут можно было перебросить».

Из воспоминаний Веры Архиповны Аганиной:

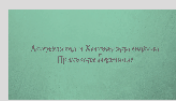
В 1938 году мы переехали из Рикасихи в Северодвинск. Отцу выделили комнату (Лесная 20). В Рикасихе отец работал дорожным мастером, занимался строительством дороги в Северодвинск, ведь строить автодорогу в Северодвинске начинали в 1938 году контингентом заключенных.

О материально-бытовом обслуживании лагерного населения из докладной записки секретарю обкома по состоянию на 25 января 1939 года:

Весьма недопустимым является состояние материально-бытового обеспечения лагерного населения. Нужно прямо сказать, что в этом вопросе лагерная администрация совершенно бездействует, самые элементарные правила по части соблюдения санитарного минимума игнорируются, что приводит к распространению шивовости и разных эпидемических заболеваний. Жилые бараки на большинстве участков не утеплены, содержатся грязно, сушилки отсутствуют. На ряде участков заключенные живут в летних палатках. Бани отсутствуют или бездействуют.

Материалы для стенда предоставлены Галиной Шавериной

Подкомандировки второго отделения были в Глинниках и Рикасихе. На 29 апреля 1948 года в отделении содержались 3311 заключенных. Из них 324 (124 м. и 200 ж.) – в Глинниках. В Глинниках заключенные вырабатывали кирпич, зона была ограждена колючей проволокой.

Ягринский ИТЛ в Молотовске / Т. Ф. Мельник

1939 год. Из докладной записки начальника строительства:

Кирпичный завод рассчитан на 42 млн. кирпича в год. В 1939 году требуется строительству 35 млн. штук. Пуск кирпичного завода задержался. На январь 1939 года техническая готовность 48%, не разработаны методы добычи глины, нет проекта дренажа промплощадки, не решен вопрос с транспортировкой кирпича с прекращением навигации.

Шоссе и ж/д ветка отсутствуют.

Из докладной записки о состоянии лагеря за июль 1939 года: на лагучастке Кирпичстроя, состоящем из 350 человек, насчитывается больных цингой почти 100%. Из указанного количества имеется 30 человек слабосильных, а 65 человек получают по 300-400 граммов хлеба, которые уже истощены и фактически так же считаются слабосильными.

Кирпичный завод был огорожен колючей проволокой, стояла вооруженная охрана, было две проходных: со стороны деревни и со стороны поселка. Глину в карьере грузили в вагонетки лопатами, вагонетки по рельсам катили на завод. Позднее стали грузить экскаватором. Сырой кирпич для просушки помещали под огромные навесы – шатры. Жилая зона была около поселка.

Кирпичный завод в Глинниках. После закрытия лагеря на заводе работали военнослужащие (стройбат), позднее – набранные по оргнабору. Фото Г. Шавериной, 2016 г.

Рассказывают старожилы деревни Глинники:

Жилая зона для заключенных была на территории нынешнего поселка Кирпичстрой, четыре одноэтажных барака располагались на месте нынешнего дома № 26 и прилегающей территории, зона была ограждена колючей проволокой, по углам вышки с охранниками. Зимой вышки стояли и на льду реки. Местное население нанималось в охрану, и женщины и мужчины.

На работу женщин водили колонной под вооруженной охраной. Ополздавших на построение при выводе на работу охранники избивали, женщины тоже были недовольны, пинали провинившихся. Местное население не пропускали ходить берегом мимо зоны, зимой обходили зону по льду, летом – через лес около карьеров. Женщины - заключенные во время обеда пели песни, пели очень хорошо. Исполняли песни «Белое платье», «Молодой джиган», «Гуляй, моя детка», «Огни притона».

СОДЕРЖАНИЕ

Экспедиция «Архангельский север особого назначения» в июле 2018 года.....	4
Спецпосёлки на побережье Белого моря.....	7
Лагеря на Архангельском севере.....	29
Онежский полуостров. Научные работы.....	44
Стенды «Архангельский север особого назначения» (передвижная экспозиция).....	62

МАРШРУТ
«Архангельский север особого назначения»

СБОРНИК

Составитель – руководитель проекта
«Архангельский север особого назначения»

Ольга Воронова

*Благодарим за предоставленные материалы Зинаиду Жукову,
Галину Шаверину, Елену Пахомову, семью Устиновых,
Сергея Самойлова, Екатерину Макарову, Яну Харитонову.*

16+

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 07.11.2018. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 4,5. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
В Издательском доме им. В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56